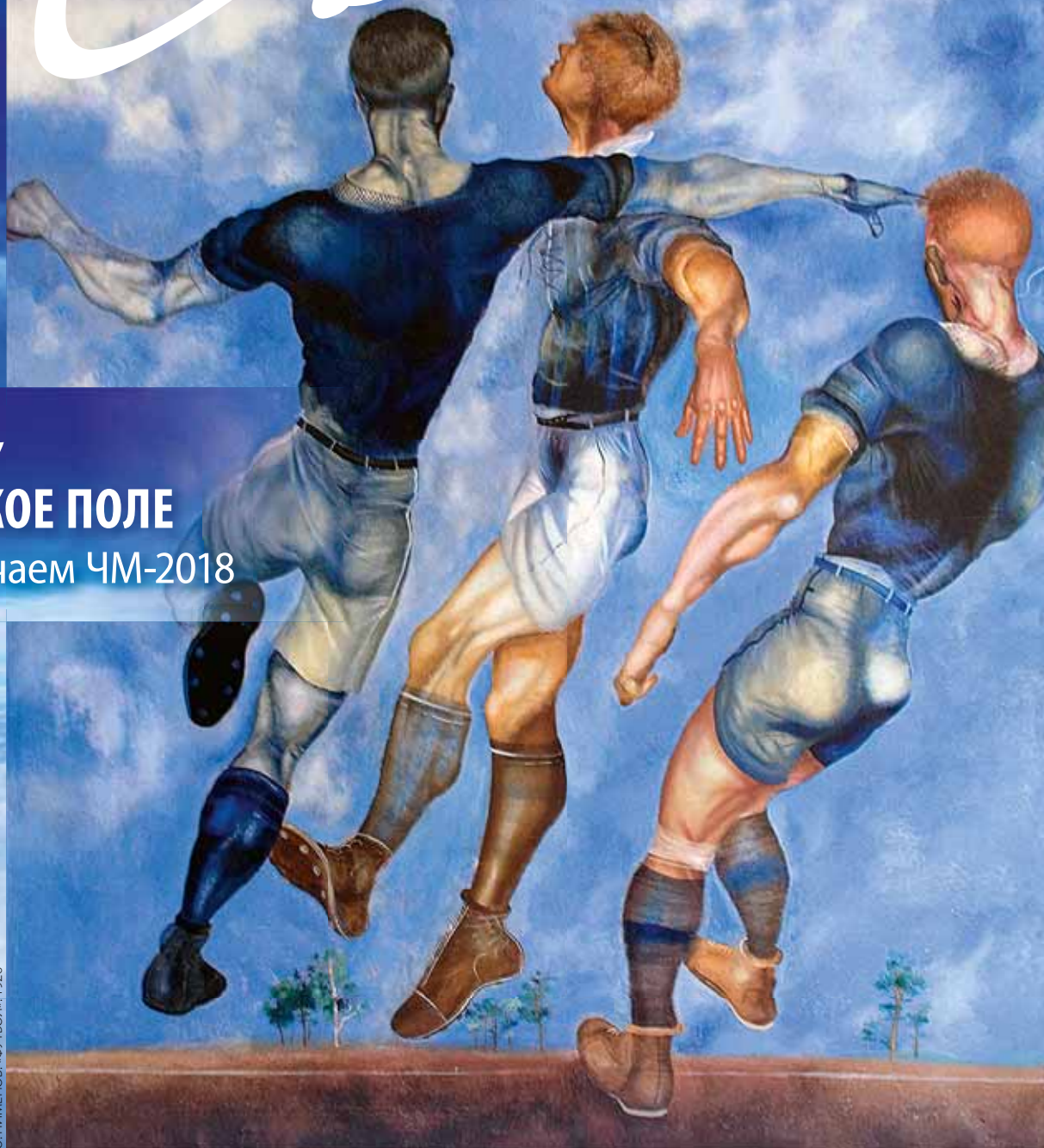

Своя

**ПОЛЕ,
РУССКОЕ ПОЛЕ**
Встречаем ЧМ-2018

Ю. ПИМЕНОВ. «ФУТБОЛ». 1926

**Бестужевский
курс**

Первый советник
при двух императрицах

**Человек
и теплоход**

Грустный весельчак
Михаил Светлов

**Сказание о красе
Сибирской**

К юбилею Марины
Ладыниной

Сословные представители

Музею Сословий России», который Илья Глазунов открыл незадолго до своей смерти, 12 июня исполняется ровно год. Великолепная коллекция ценнейших экспонатов, собранная выдающимся художником и размещенная им на трех этажах особняка, каждодневно привлекает к себе немало посетителей. Билеты, если есть такая возможность, лучше приобрести заранее.

Первый этаж, посвященный культуре дворянской России XVIII — начала XX века, воспроизводит уклад жизни аристократов в классической обстановке усадебных анфилад: старинная мебель, произведения живописи и художественная бронза, гравюры, образцы общеевропейской моды того времени.

Интерьеры второго этажа «вдохновлены убранством палат царя Алексея Михайловича» и дают представление об искусстве православной Руси. Здесь —

произведения иконописи, деревянной храмовой скульптуры, кресты, складни.

На третьем этаже показаны промыслы, обычаи, повседневность крестьянской России, отраженные в убранстве избы, расписных санях и дугах, сундуках и ларцах, самоварах, прялках, народных костюмах разных губерний России.

Картинная галерея Ильи Глазунова, вместившая в себя «Музей сословий России», является учреждением, подведомственным департаменту культуры города Москвы.

Экспозиция расположена по адресу: Волхонка, 13, строение 2. Открыта для посещения с 11.00 до 19.00 по сеансам: 11.15, 12.00, 13.00, 14.00, 15.00, 16.00, 17.00, 18.00 (в четверг дополнительно в 19.00, 20.00). Осмотр экспонатов возможен только в составе экскурсионной группы (максимально 15 человек).

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Команда, мотор!	24–28	Отражение
Мы все больны футболом
Лучшая в мире игра глазами художников
3–7	Украинский вопрос
Под высокую руку
Как запорожцы русскому царю
челом били	29–33	Забавы молодецкие
Поле, русское поле
8–11	Символ веры
Купол над вольной Невой
160 лет назад освятили
Исаакиевский собор	34–37	Стоп-кадр
Сказание о красе Сибирской
12–15	Имена и даты	38–41	На семи холмах
Наша древняя столица
Что скрывает усадьба «Коломенское»
16–19	Ретроспектива
Бестужевский курс	42–47	Записки охотника
«Княжья» против «Царской»
Николай Рерих с ружьем и ягдташем
20–23	Литфонд
Человек и теплоход	48	Трапезная
Рублено-тяпано,
в лучшем виде стряпано

Председатель редакционной коллегии: Елена Ямпольская

Шеф-редакторы: Ксения Позднякова, Наталья Семина. **Ответственный секретарь:** Сергей Громов

Отдел распространения: +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (495) 662-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

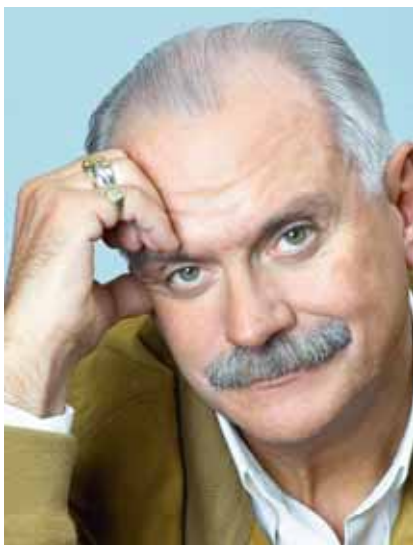
Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в соответствии с представленными материалами в ООО «Парето-Принт», Тверская область, Калининский район, Бурашевское сельское поселение. Торгово-промышленная зона Боровлево-1, 3А. Тверь 170546, www.pareto-print.ru

Номер заказа: 3966/18

Тираж 40 155

Подписано в печать 14 мая 2018 г.

Команда, мотор!

Десять лет назад, в июне 2008 года, мы, организаторы 30-го Московского международного кинофестиваля, буквально накануне его закрытия, экспромтом, учредили специальный приз «За выдающуюся режиссуру в спорте», чтобы вручить эту сугубо символическую награду тренеру сборной России Гусу Хиддинку. Полушутливая акция стала знаком особой благодарности нашим футболистам и их наставнику за удачное выступление на чемпионате Европы. В те дни, признаюсь, я был настолько очарован игрой против голландцев, что накануне полуфинального матча с Испанией — абсолютно сильнейшей на тот момент сборной в мире — всерьез рассчитывал на победу нашей дружины. Надежда не оправдалась, но и тот «бронзовый» успех, которого добились российские игроки в 2008-м, греет сердца болельщиков на протяжении нескольких сезонов.

Сферы футбола и кинематографа пересекаются очень часто. К примеру, мы с артистами и съемочной бригадой после напряженной, изнурительной работы часами гоняем по полю мяч — таким образом снимаем накопившийся стресс, развиваем в неформальной, не рабочей обстановке межличностные отношения. Насколько уместно советовать то же самое футболистам — на время поменяться местами с актерами, отвлечься от своего основного занятия, пробуя себя в искусстве, — не знаю. Возможно, им это и не нужно вовсе. Хотя посмотреть перед важным, ответственным поединком какой-нибудь фильм, рассказывающий о спортивных подвигах соотечественников, было бы, наверное, нелишне. Тем более, что подобные картины появляются у нас в последнее время все чаще.

Я давно говорю, что «выдающаяся режиссура» чрезвычайно важна не только в кинематографе и театре. В спорте, в частности футболе, а равно и в политике, внутренней и внешней, социальных отношениях и даже промышленном производстве, она столь же необходима. Тренер-постановщик обязан уметь очень многое: правильно распределить среди игроков амплуа и роли, предвидеть, как команда сможет реализовать собственные таланты, добиться в коллективе всеобщего взаимопонимания-взаимодействия, отретпировать с подопечными ключевые приемы, «жесты», «реплики», психологически мотивировать всех на яркую, вдохновенную игру.

У Гуса Хиддинка это получилось, пусть и не во всех футбольных спектаклях. Удастся ли добиться того же нашей сборной под руководством Станислава Черчесова? Узнаем совсем скоро, когда национальная команда начнет свое выступление на домашнем чемпионате мира. Ради этого спортивного праздника мы даже перенесли на апрель 40-й — юбилейный — Московский фестиваль.

Июнь 2018-го — месяц футбольный. А значит, пожелаем сборной России сполна реализовать на мировом первенстве свои (пока еще, как видно, скрытые) возможности, а нашим болельщикам — вновь испытать радость от вдохновенной игры и долгожданных красивых побед.

A stylized, handwritten signature in black ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke at the end.

BOHDAN CHMIELNICKI EXERCITUS
ZAPOROVIEŃ PRÆEECTUS, BELLI SERVILIS AUTOR
REBELLUMQ; COSACCORUM ET PLEBIS UKRAYNEN:
DUX.

Guilhelms Hondius Haga Batavus S.R.M.^m Chalcographus sculpsit. Cum priviil' S.R.Me Gedani An^o 1651.

Под высокую руку

В июне 1648-го предводитель запорожских казаков Богдан Хмельницкий отправил царю Алексею Михайловичу из Черкасс письмо, в котором торжественно заверял: «Желали ли бы мы себе самодержца государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность православный христианский царь...» Исторический момент 370-летней давности можно считать отправной точкой в деле собирания исконно русских территорий с проживавшим там единым, по сути, народом. И хотя процесс после этого длился годы, главное было сделано — «механизм интеграции» основные участники событий запустили.

Ю. БРАНДТ. «ТАБОР», ОКОЛО 1910

Валерий Шамбаров

ФИГУРА Богдана Хмельницкого давно уже стала предметом политических споров. Патриотическая традиция всегда славил его как героя воссоединения Украины с Россией. Украинские националисты считают гетмана предателем, отдавшим страну «москалям». Правда же в том, что, ведя речь о воссоединении, следует учитывать простой объективный факт: в XVII веке слово «украина» не имело ни политического, ни этнографического значения, употреблялось в сугубо географическом смысле и было тождественно существительному «окраина». В документах того времени упоминаются «польская украина», «сибирская украина», «московские украинь», «ханские украинь». Впрочем, современные киевские историки, ничтоже сумняшеся, определяют их как земли, заселенные «украинцами», которых, по правде говоря, в то время также не существовало. Жители Поднепровья, Прикарпатья, Белоруссии сами себя именовали русскими, теперешняя Львовщина в Речи Посполитой официально обозначалась как Русское воеводство, а православие — как русская вера.

Напомним, Древняя Русь, разделенная в период феодального распада, с востока была покорена ордынцами, а с запада в значительной части захвачена Литвой. Властители из династии Ягеллонов претендовали на титул Великих князей литовских и русских, в XV столетии граница их владений лежала сразу за Калугой и

Можайском. Население по ту и другую стороны рубежа — белорусы, киевляне, черниговцы и другие — позиционировало себя не как разные народы, а как части одного-единственного. Особенно это сказалось при Иване III: например, когда в Литве начались гонения на православие, московский государь вступился, и к нему добровольно стали переходить города и целые княжества.

То же самое было при Василии III, Иване Грозном. Жители Полоцка встречали русских как своих, а от поляков и литовцев отбивались заедино с царскими ратниками. В 1556-м гетман днепровских казаков Дмитрий Вишневецкий попросился на службу к нашему царю, и Иван Грозный принял его «со всем козацтвом». Первая Запорожская Сечь, основанная на острове Хортица, защищала Россию. Правда, в 1563-м Вишневецкий перебежал обратно к польскому королю. Но большинство казаков сохранили верность Москве. Известно, что в противостоянии с турками и крымским ханом царь «грамоты днепровским казакам писал не по однажды, ходите, деи, вы под улусы крымские», присылал им также жалованье и боеприпасы. А казаки подтверждали: готовы «государю крепко служить».

В 1569 году Ватикан и польские магнаты сумели осуществить свой давний план по созданию Речи Посполитой. При этом православные области из состава относительно терпимой к разным верам Литвы перешли

под власть католической Польши. Враги Руси старались расколоть и казаков, привлекали их за деньги воевать с единоверцами, поделили на тех, кто официально числился на королевской службе (реестр), и остальных, которых объявляли «не настоящими», силились разогнать. Многие таким порядкам не подчинились, и возникло независимое Низовое войско. Оно-то и стало объединением «классических» запорожцев.

Симпатии простых крестьян к России тоже погасить не удавалось. В 1582-м иезуит Антонио Поссевино докладывал папе Григорию XIII: на Львовщине, в Подолии, на Волини, в Литве «многие жители упорно держатся греческой веры, хотя имеют господ католиков», и во время войны молятся за московского государя, желают ему победы. Дабы покончить с этим, принялись внедрять унию, что вызвало массовое сопротивление, ожесточенные бунты. Духовных связей с Россией казаки не теряли.

Глава Священной Римской империи Рудольф II, намерившись воевать с турками, попросил у польского короля Сигизмунда 8–9 тысяч казаков. Он согласился, но когда немецкий посол приехал в Сечь с королевским приказом и польскими уполномоченными, кошевой атаман Богдан Макошинский выслушал его и развел

руками. Объяснил, что запорожцы служат не Сигизмунду, а русскому царю. Если будет приказ из Москвы — тогда пожалуйте. Посланнику пришлось ехать в Россию, и только после того, как он вернулся с эмиссаром от государя, сечевики согласились выступить.

И все-таки недругам удалось вбить клин между Малороссией и Московской державой. Помогла в этом Смута. Запорожцев зазвали поддержать Лжедмитрия, якобы сына их прежнего покровителя Ивана Грозного, потом стали вербовать и на службу королю, за плату. Поляки набирали отряды «охочекомонных» — добровольцев из тех, кто соблазнится пограбить. Обработали популярного гетмана Петра Сагайдачного. Тот наивно верил, что права казаков и православного населения можно обеспечить в рамках Речи Посполитой. Ему наобещали отменить унию, предоставить областям с русской верой автономию. Он участвовал в походе на Москву, пожег немало городов.

Поляки, разумеется, обманули. Едва закончилась война, обо всех посулах благополучно забыли. В 1620 году уже сам гетман отправил посольство в Москву, просил царя Михаила Федоровича принять Войско Запорожское на службу — «как было при отцах наших». Вскоре Сагайдачный умер, а в Малороссии тем временем нарастал гнет — и социальный, и национальный, и религиозный. Польша кичилась своими «свободами», но те существовали только для панов, а простые люди попадали в рабство. Поборы с крестьян были самыми высокими в Европе. Магнат распоряжался не только имуществом, но и жизнями «хлопов», мог безнаказанно убить любого — право суда оставалось за хозяином. Ему же принадлежала и любая недвижимость на его земле, в том числе церковная. Пан закрывал храмы, переедал униатам.

В 1622-м епископ Перемышльский Исайя Копинский просил дозволения перебраться в Россию вместе с монахами его епархии. В 1624-м в Москву прибыло посольство от Киевского митрополита. Тема переговоров обозначена в протоколах: «О принятии Малороссии и запорожских казаков в покровительство». Но это означало войну, а Россия еще не пришла в себя после Смуты. Послам отвечали: «Ныне царскому величеству того дела всчати нельзя». Дальше покатились восстания. В 1625-м — под предводительством Жмайлы, в 1630-м — Тараса Федоровича, в 1635-м — Сулимы, в 1637-м — Павлюка, в 1638-м — Остриянина. Поднимались казаки, обрастали массой крестьян.

Каждый раз повстанцы посылали гонцов в Белокаменную, просили о помощи, о переходе в подданство к царю. Но на эти обращения в Москве даже не успевали реагировать. Методика подавления таких выступлений у поляков была отработана. От мятежников отрывали реестровых казаков, манили тех наградами, соблазняли на измену, выдачу предводителей. На запорожцев бросали панцирную конницу, немецкую пехоту,

Н. САМОКИШ. «БИТВА БОГУНА С ЧЕРНЕЦКИМ ПОД МОНАСТЫРИЩЕМ», 1944

нестойкое крестьянское ополчение разгоняли и истребляли. Последние вспышки восстаний умирjali с неимоверной жестокостью. Руководивший этими акциями магнат Станислав Конецпольский приказывал: «Вы должны карать их жен и детей, и дома их уничтожать, ибо лучше, чтобы на тех местах росла крапива, нежели размножались изменники его королевской милости и Речи Посполитой». За поляками оставались мертвые села, леса виселиц и кольев с телами казненных. Множество людей бежало в Россию. Их принимали, давали пособия, селили на территориях нынешних Харьковской и Сумской областей. Эти места принадлежали царю, а не польскому королю, и их стали называть Слободской украиной (беженцы освобождались от податей, их сообщества приобретали статус «слобод»).

Малороссию так затерроризировали, что она молчала десять лет. Но победители сделали совсем не те выводы, какие следовало бы. Гнет не ослабевал, а нарастал. В результате целое десятилетие копился порох народного гнева. О том, во что это вылилось, красноречиво свидетельствует пример Богдана Хмельницкого. Видный военный войсковой писарь, один из любимцев самого короля, он тем не менее был простым казаком и в системе Речи Посполитой оказался совершенно бесправным. Подстароста Даниэль Чаплинский, имея сильных покровителей, смог запросто захватить у него наследственный хутор, любимую женщину и запороть насмерть сына. Искать правду в судах, в сенате, сейме было бесполезно. Обращаться к королю — тоже: при польских «свободах» тот был марионеткой магнатов.

Когда же Хмельницкий стал активно выражать недовольство такой системой, этого вполне хватило, чтобы его схватить и приговорить к смерти. Благо охранники ему сочувствовали, позволили бежать в Запорожье — хотя Сечи уже

Царь Алексей Михайлович

ПИСЬМО БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

не было, ее занял польский гарнизон. Хмельницкий сумел собрать горстку казаков, и полыхнуло. Теперь уже и реестровые присоединились к вольным. Предводитель выказал недюжинные таланты в организации повстанческой войны, стал рассылать «загоны», отряды опытных казаков, обучавших военному делу крестьян. Проявил себя и дальновидным политиком. Сразу после первых побед над карателями в Корсуни прошла рада (совет), постановившая проситься в подданство России. И, наконец, 8 июня (ст. ст.) 1648 года в Черкассах гетман написал письмо царю.

Да, восстание можно объяснить стечением обстоятельств. Но атмосфера на ту пору была такая, что взрыв вызвал бы любой детонатор. А вот обращение Хмельницкого к Алексею Михайловичу случайным вовсе не являлось. Тяга к воссоединению с Москвой была закономерной, сохранялась столетиями. Вождь стал лишь выразителем общенародных чаяний. Стоит обратить внимание: Россия инициативы не проявляла, агитации не вела и за приобретениями не гналась. Царь тогда отнесся к обращению очень осторожно. Ведь принятие восставшего края было равносильно вступлению в войну. А православный самодержец искренне верил, что отвечает перед Богом за каждого из своих воинов, крестьян, посадских.

Братьев-единоверцев он в беде не бросил, помогал им оружием, порохом, продовольствием, деньгами, направил к Хмельницкому донских казаков, разрешил отправиться к нему добровольцам. От столкновения с Польшей воздерживался до последнего. Русские оказывали на нее дипломатическое давление, требуя оставить в покое повстанцев и заключить с ними приемлемый мир. Устраивались демонстрации, когда наша армия разворачивалась у границ, пугая и отвлекая врагов, срывая их наступления на Хмельницкого. Поляки же воспринимали царское миролюбие как трусость, успокаивали себя: Россия воевать не осмелится.

В 1653 году в Бресте внеочередной сейм принял постановление о фактическом геноциде. Рассуждали: если Малороссия представляет собой угрозу вечных бунтов, то надо просто вырезать ее поголовно. Русские дипломаты доносили: «А на сейме ж приговорили и в конституции напечатали, что казаков как мочно всех снести». И это решение шляхта начала выполнять...

Тогда-то царь и объявил мобилизацию. В октябре 1653-го в Москве открылся Земский Собор. Делега-

ЗАПОРОЖЕЦ С ГОЛОВОЙ БУСУРМАНИНА НА ПИКЕ. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГРАВЮРА

ты от разных городов и сословий высказались единогласно: «Против польского короля войну весть», и «чтоб великий государь... изволил того гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское з городами и з землями принять под союю государеву высокую руку».

К границам двинулись царские войска, к запорожскому гетману —

полномочное посольство. Затем, как мы знаем, состоялась Переяславская Рада, куда собрались представители от большинства городов Малороссии, казачьих полков, и 8 (18) января 1654 года она приняла единодушное решение: «Чтоб есми во веки всем едино быть».

Учебники истории почему-то заканчивают тему «воссоедине-

ния Украины и России» именно Переяславской Радой. А на самом деле она ничего не завершила. Правительство Алексея Михайловича отнюдь не случайно так долго взвешивало каждый шаг — чтобы спасти и освободить братьев, России пришлось воевать 27 лет: с Речью Посполитой, Крымским ханством, вмешавшимися Швецией и Турцией. Да если бы только с ними! Еще и с изменниками Выговским, Брюховецким, Дорошенко, еще одним Хмельницким, Юрием, — теми, кто выбирал западные «свободы» и личные богатства, продавая собственную страну то полякам, то туркам, кто наносил удары в спину, сводил на нет плоды блестящих русских побед. Именно из-за них освобождение Правобережья Днепра и Белоруссии было отсрочено на 140 лет. И именно их современная Украина чествует в качестве «национальных героев» — в отличие от Богдана Хмельницкого, проложившего единственно верный путь к возрождению и возвышению своего народа.

М. ХМЕЛЬКО «НАВЕКИ С МОСКВОЙ, НАВЕКИ С РУССКИМ НАРОДОМ», 1951

Символ веры

ФОТО: PHOTOPRESS

Купол над вольной Невой

Андрей САМОХИН

Нынешний юбилей великолепного храма, одного из самых красивых строений Санкт-Петербурга, — 160 лет с момента освящения, — является, безусловно, и общенациональной культурной датой. Исаакиевский собор — не только архитектурный шедевр, но и многозначный символ: имперской мощи, особой русской европейскости, мужества и стойкости жителей города на Неве. Невероятная история предшествующих строений, легенды, окутывающие возведение храма, добавляют таинственных обертонов в мелодию его судьбы.

Исаак-великан

Восхищаться творением французского архитектора Огюста Монферрана начали в то время не сразу и не все — лицом к лицу лица не увидать. Но уже великий поэт, дипломат и государственный Федор Тютчев сполна прочувствовал мощь нового символа столицы империи: «Глядел я, стоя над Невой, как Исаака-великана во мгле морозного тумана светился купол

золотой». Незаменимым аккордом в симфонии питерского зодчества признали собор такие чуткие композиторы, как Мусоргский и Римский-Корсаков.

Великому провидцу Достоевскому Исаакий «пригодился» для светлого контраста душевным метаниям Раскольникова, бредущего по Николаевскому (Благовещенскому) мосту: «Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать до часовни, так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение».

Поэт и критик Теофиль Готье описал собственные впечатления от знакомства с собором: «Когда путешественник по Финскому заливу приближается на пароходе к Санкт-Петербургу, купол Исаакиевского собора, словно золотая митра, водруженная над силуэтом города, уже издали привлекает взгляд. Исаакиевский собор блещет в первом ряду церковных зданий, украшающих столицу всея Руси... Можно сказать, что это наивысшее достижение современной архитектуры».

«Вновь Исаакий в облачении из литого серебра», — кратко и емко живописала Анна Ахматова уже в начале XX века. А ее муж Николай Гумилев незадолго до трагической гибели поднялся до предельно высокого и как бы закрывающего тему образа: «Верной твердыней православья врезан Исаакий в вышине, там отслужу молебен о здравьи Машеньки и панихиду по мне».

Признанное величие не умалось в дальнейшем ни наивной антирелигиозной пропагандой с маятником Фуко, качавшимся десятилетиями под куполом, ни суетной разногласицей туристов, беспрерывно шаркающих по старым винтовым ступеням, ни страшными бедствиями прежней эпохи. Кстати, в период Великой Отечественной войны Исаакий сыграл

роль «заговоренного» хранилища художественных ценностей, которые складировали в подвалах. Поступить таким образом посоветовал в начале блокады один офицер, обосновав свое предложение чистой прагматикой: летчикам люфтваффе золотой купол храма нужен как ориентир, и немцы не станут это место бомбить-расстреливать.

Собор часто изображали на картинах как один из символов непокоренного Ленинграда. Не сдалась в конечном итоге и твердыня православия: в центр купола, где антирелигиозники некогда закрепили «на века» трос пресловутого маятника, в наши дни вернулась фигура голубя, символизирующая третью ипостась Пресвятой Троицы.

Се памятник двух царств...

А начиналось все при Петре I. Будущий император родился 30 мая (ст. ст.), в день Исаакия Далматского, и закономерно считал этого византийского святого своим небесным покровителем. В честь него была заложена 30 мая 1710 года близ Адмиралтейства деревянная Исаакиевская церковь. Там в феврале 1712-го Петр венчался с Екатериной.

Несмотря на то, что здание просмолили как корабль, оберегая от речной сырости, уже в 1717-м оно обветшало. На его месте началось возведение каменного храма. Поручили эту миссию немцу Георгу Иоганну Маттарнови, который,

однако, скоропостижно скончался. Тогда за дело взялся швейцарский архитектор Николай Гербель, спустя три года тоже внезапно умерший. И только в 1727-м закончил строительство Яков Неупокоев, назначенный главным зодчим, очевидно, из-за своей «надежной фамилии». Его храм сильно смахивал на Петропавловский собор, стоял, по свидетельствам современников, прямо возле Невы, где ныне возвышается Медный всадник. Место было далеко не лучшим: разливаясь, река подмывала фундамент. Летом 1735-го церковь выгорела внутри от пожара, вызванного прямым попаданием молнии. В итоге решили полностью разобрать.

Казалось, о культовом сооружении с неудачной судьбой забыли навсегда. Но в 1762 году Екатерина II решила в память о Петре Великом возродить храм на новом месте (там, где стоит современный собор). Проект поручили итальянскому архитектору Антонио Ринальди. Строение изначально представлялось величественным: цоколь и первые уровни стен возводили из олонецкого мрамора. Но к концу дней императрицы оно было готово лишь наполовину, до карниза. Павел I, не любивший начинаний матери, приказал немедленно перевезти весь оставшийся мрамор на территорию Михайловского замка, а собор достроить кирпичом. Архитектора обязали снизить высоту колокольни и главного купола, убрать как излишества боковые маковки.

Обиженный Ринальди покинул Петербург, передав дело своему соотечественнику Винченцо Бренне. Долгострой завершился лишь к началу XIX столетия и увенчался относительной неудачей. Об этом сооружении, освященном в 1802 году, светские остряки сочинили эпиграмму: «Се памятник двух царств, обоим им приличный, на мраморном низу воздвигнут верх кирпичный».

Только что открытый храм сразу же начал сыпаться: на одной из

СИМВОЛ ВЕРЫ

служб на головы молившихся рухнула отсыревшая штукатурка. Проверочная комиссия обнаружила безобразное качество строительства и доложила о необходимости коренной реконструкции.

Двадцать четыре проекта

В 1809-м Александр I объявил конкурс на проект нового Исаакиевского собора. Архитектурные планы признанных мэтров, среди которых были Джакомо Кваренги, Андрей Воронихин, Василий Стасов, Томас де Томон, Чарльз Камерон, были отвергнуты, ибо все перечисленные собирались возводить здание заново, полностью снести конструкции предшественников. Император не желал столь расточительно разбрасываться деньгами, но, с другой стороны, не хотел и ошибиться, давая добро на сооружение очередной однодневки. Требовалось остановить бесславную зодческую эпопею.

Пока судили да рядили, началась Отечественная война, надолго задержавшая рассмотрение предложенных идей. Вернулись к ним лишь в 1816-м. И тут произошло событие, повергнувшее многих в шок: в качестве окончательного император выбрал проект никому не известного Огюста Монферрана, с причудливой и непрозрачной личной судьбой, не имевшего даже официального архитектурного образования. И фамилия его, вошедшая позже в энциклопедию, была не более чем прозвищем (переводится как «железная гора»). Однако француз сумел представить на выбор двадцать четыре проекта собора в разных стилях и обязался использовать уже готовые конструкции Ринальди.

С 1818 года начинается очередной долгострой (процесс шел при трех императорах), исполненный смелых технических новаций, а также документальных нестыковок и досужей мистики.

Стройка века была приостановлена из-за нараставшего вала критики

О. Монферран

профессионалов. Монферран существенно переработал проект, взяв идею пирамидального очертания у двух русских архитекторов — Василия Стасова и Андрея Михайлова. Правда, некоторые историки объясняют эту и последующие задержки в возведении здания тем, что приходилось исправлять технические просчеты, допущенные французом.

Новый проект утвердил в апреле 1825-го Александр I.

Оригинальным для того времени ноу-хау стало уплотнение болотистого грунта с помощью 10 762 свай, вживленных в основание фундамента. В петербургских салонах родился на эту тему анекдот: начали вбивать первую свая, а ее засосало под землю; принялись вколачивать вторую, третью — та же история, процесс продолжался до тех пор, пока из Нью-Йорка не прислали депешу: «Зачем вы испортили нам мостовую своими бревнами с клеймом петербургской лесной биржи «Громов и К»?!»

Гранит для колоннады Исаакия добывали в каменоломнях около Выборга. Руководивший работами каменотес Самсон Суханов придумал новаторский метод извлечения из породы цельных глыб. В гранитном массиве с двух сторон сверлили отверстия, забивали в них клинья и долбили по ним, пока камень не трескался. В расщелину вставляли чугунные рычаги с кольцами, сквозь которые были проде- ты канаты. По сорок рабочих тяну-

ли за них, выламывая здоровенные блоки. Интересно, что знаменитые исаакиевские колонны поставили раньше стен собора.

Когда уже начал вырисовываться величественный силуэт, известный петербургский шутник Александр Жемчужников однажды ночью переоделся в мундир флигель-адъютанта и разбудил всех столичных архитекторов-академиков известием: им, дескать, надлежит поутру явиться во дворец, поскольку Исаакиевский собор провалился под землю...

Недоумений и умолчаний хватало и без всяких розыгрышей. Историки города на Неве обращают внимание на несоответствия дат и многих документов по строительству Исаакия, а также странную разницу между его обликом и сохранившимися ранними литографиями.

Так, немецкий инженер-мостостроитель Вильгельм фон Треттер умудрился нарисовать «новый», как бы монферрановский, храм, стоявший на его законном месте, в 1820-е годы. Правда, при внимательном рассмотрении становится понятно, что на самом деле германец изобразил Спасский собор, тоже возведенный Монферраном, но не в Петербурге, а в Нижнем Новгороде. Какова цель подобной мистификации? Ответа нет.

Пока стоят леса

Все эти странности плюс нетрадиционные для православных храмов экстерьер и интерьер породили уже в наши дни полубезумную конспирологическую версию: Монферран всего лишь реконструировал древнее, сакральное сооружение, остатки которого сохранились со времен гиперборейской цивилизации.

А в середине XIX века по Северной столице ходили слухи о том, что некий оракул предсказал архитектору: тот умрет, как только закончит стройку; вот почему она и длится так долго — Монферран специально тянет время.

Практически так и вышло — зодчий скончался через месяц после освящения храма, произошедшего 11 июня (30 мая по ст. ст.) 1858 года. Смерть его тут же обросла домыслами. Суть одного из них такова. Александру II доложили, что Монферран в декоре западного фронтона изобразил среди святых себя с моделью собора в руке, поэтому рассерженный государь на церемонии освящения не подал ему руки, не поблагодарил, резко отвернувшись. Архитектор сильно расстроился и заболел смертельной горячкой. Достоверность слуха о сфокусированном гневе императора вызывает сомнение, ведь, кроме скульптурного портрета зодчего, на том барельефе представлены фигуры с лицами президента Академии художеств Алексея Оленина и князя Петра Волконского. Доподлинно известно лишь то, что царь отказался исполнить волю Монферрана — похоронить его в построенном им храме.

Исаакий (наряду с Казанским собором) стал официальным символом имперского православия. Здесь, в частности, крестили членов царской семьи. Строительные леса тем не менее тут еще долго не снимали — многочисленные доделки длились почти полвека.

Это, в свою очередь, породило новую, теперь уже общероссийскую легенду. Она гласила: династия Романовых будет царствовать, покуда вокруг собора стоят леса. Вроде бы глупость, однако же вот факт: последние деревянные конструкции были разобраны аккуратно в разгар рокового для России планетарного побоища, в 1916-м.

Горделивый собор с трудной и запутанной судьбой пережил войны, революции и лихолетья. Построенный европейцем с явным парафразом античного зодчества, язвительно критикуемый в разные годы, Исаакий занял исключительное место в архитектурном наследии России, являя граду и миру свой по-особому торжествующий русский дух. Бюст загадочного создателя, изваянный из 43 пород минералов и камней — всех, что были использованы в строительстве собора, можно увидеть внутри гулкого храмового пространства.

«Взгляд сверху» на это вечно-имперское, сугубо питерское произведение неплохо передает в одной из своих лучших песен Александр Розенбаум: «Хочу летать я белой чайкой по утрам и не дышать над Вашим чудом, Монферран».

ФОТО: PHOTOPRESS

Вот уже несколько лет общественность горячо обсуждает вопрос передачи Исаакиевского собора в ведение Русской православной церкви. Мнения по этому поводу разделились.

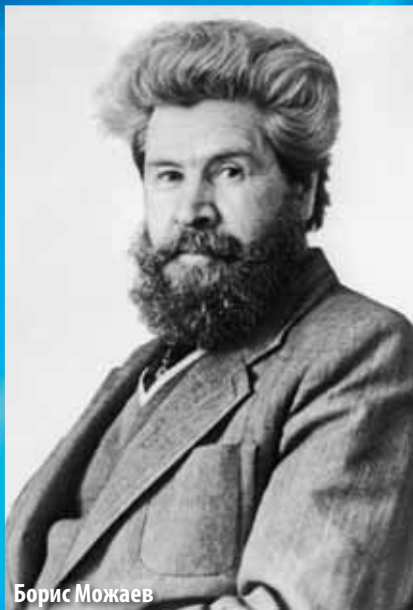
Владимир Крупин,
писатель:

— Странно, что вообще такая проблема возникла. На фронтоне Исаакия выбита надпись из Евангелия: «Храм Мой храм молитвы наречется». Все светские мероприятия внутри него следует согласовывать с церковным священноначалием, чтобы те никоим образом не мешали службам. Церковь наша никогда не препятствовала туристическому потоку, однако он должен проходить в определенное время и по установленным правилам. Все и всегда можно решить полюбовно, не уничтожая музей и никого не обижая. Но для начала надо восстановить историческое право Русской церкви на здания, построенные как православные храмы и служившие таковыми.

Александр Кузьмин,
*заместитель председателя
Творческого союза музейных
работников Санкт-
Петербурга и Ленобласти:*

— Главным распорядителем Исаакия должно быть государство, поскольку церкви он никогда не принадлежал. По закону собор находится в составе музейного комплекса на правах оперативного управления. Там регулярно проводятся службы — более 600 в год. Учитывая их посещаемость, многие иерархи РПЦ считают, что этого вполне достаточно. И следовательно, никакие изменения в статусе Исаакиевского собора не нужны.

Имена и даты

Борис Можяев

Первая в мире крылатая ракета с подводным стартом «П-70»

1 июня

95 лет со дня рождения Бориса Можяева

ОДИН из его предков служил в отряде Алексея Воейкова, прикрывавшем в 1812 году отступление Русской армии под Можайском. Фамилию Можяевы даровали в то время отличившимся в сражениях храбрцам. Спустя эпохи потомок воина, советский писатель, дороживший родовой связью с землей-кормилицей, смело встал на защиту крестьянства.

Можяев — автор множества очерков и рассказов о русской деревне, повести «Живой» («Из жизни Федора Кузькина»), романа «Мужики и бабы», вызвавших горячие, подчас ожесточенные дискуссии. В последние годы жизни работал над романом «Изгой», который завершить не успел.

Как отмечал Александр Солженицын, именно Можяев в переломные для национального быта времена решительнее других вступил в тревожный спор за последний деревен-

ский рубеж. Борис Андреевич был убежден: давно пора осознать, что опорой государства, его становым хребтом является мужик.

К несчастью, «в обмолот пошло доселе неистребимое и самое многочисленное племя хлеборобов». А на сегодняшний день оно поредело, можно сказать, катастрофически.

3 июня

50 лет назад была в СССР принята на вооружение первая в мире крылатая ракета с подводным стартом

РАКЕТА получила название «Аметист» и секретный индекс «П-70». Оружие такого типа предназначалось для оснащения атомной подлодки проекта 661 «Анчар», самой быстрой субмарины Мирового океана. Развивая скорость почти до 45 узлов (порядка 83 км/ч — до сих пор непревзойденное достижение), она могла запросто догнать и потопить любой неприятельский авианосец.

И у «Аметиста», и у «Анчара» довольно быстро обнаружилось слабое место: у первого — малая дальность полета, у второго — шумность хода на высоких скоростях. Однако эти недостатки вряд ли можно отнести к разряду принципиальных, непреодолимых. Инженерная — в особенности русская — мысль такие изъяны со временем благополучно устраняет. Спустя полвека, несмотря на частичный развал в годы «реформ» ответственного оборонного комплекса, Россия обладает быстрыми и малозумными подводными крейсерами с баллистическими ракетами, поражающими мишени где угодно.

Президент Владимир Путин, выступая с Посланием Федеральному собранию 1 марта, рассказал о разработанных в нашей стране беспилотных подводных аппаратах, отличающихся уникальными свойствами. Они способны погружаться на большую глубину и перемещаться на неограниченные расстояния — со скоростью,кратно превышающей характеристики надводных кораблей, подлодок и торпед. Эти аппараты почти беззвуч-

ны, обладают высокой маневренностью и «практически неуязвимы для противника».

6 ИЮНЯ

115 лет со дня рождения

Арама Хачатуряна

ЕГО МУЗЫКАЛЬНЫЙ талант был многогранен. Арам Ильич сочинял симфонии, концерты-рапсодии, вальсы, мазурки и другие мелодии традиционных танцев разных народов. А наиболее ярко прославил себя в области балета. Получивший всемирное признание «Спартак» стал революционным по композиторскому мастерству.

«Узнать его руку можно буквально по нескольким тактам любого произведения, — писал о Хачатуряне Дмитрий Шостакович. — И эта индивидуальность проявляется не только в технологии, но и в самом мировосприятии композитора, основанном на оптимистической, жизнеутверждающей философии».

В 1944 году власти объявили конкурс на лучший вариант гимна Армянской ССР. Согласившийся поучаствовать в состязании Хачатурян однажды вечером сел за рояль, прикоснулся к

клавишам. Дело было жарким летом, и перед открытыми окнами его дома собрались люди. Воодушевленные услышанной мелодией, самозабвенно и словно не в первый раз они принялись ей подпевать.

13 ИЮНЯ

160 лет назад Россия и Китай подписали в Тяньцзине мирный договор

В ТЕ ГОДЫ наше государство активно осваивало Дальний Восток: близ границы появилось Забайкальское казачье войско, началось развитие порта Петропавловск... Китай был ослаблен опиумными войнами, в которых против Поднебесной действовали Великобритания и Франция, стремившиеся прибрать к рукам ее речные гавани. Не менее опасной проблемой для Пекина стало тайпинское восстание — крестьянская война, охватившая территорию с 30-миллионным населением. В этих условиях две соседние державы решили определить стратегию мирного сосуществования.

Договор, состоявший из 12 пунктов, принят в городе Тяньцзине. Русскую делегацию возглавлял адмирал Евфи-

мий Путятин, китайскую — уполномоченный богдыхана Хуа Шань. Трактат подтверждал мир и дружбу между нашими странами, гарантировал неприкосновенность собственности и личную безопасность русских, живших в Китае, а также китайцев, пребывавших в Российской империи. Отныне их порты были открыты для наших купеческих судов. Кроме того, Россия получила право содержать в Пекине нашу духовную миссию.

Вопрос о границе стороны отложили на будущее: требовались новые географические исследования на Дальнем Востоке. Историческая роль договора заключалась в том, что после него Россия стала крупнейшим торговым посредником между Китаем и Европой. Вследствие Тяньцзиньского трактата 1858 года китайский чай стал у нас массовым народным напитком, причем сравнительно недорогим.

13 ИЮНЯ

100 лет назад был убит великий князь Михаил Романов

15 МАРТА (по н. ст.) 1917 года царь Николай II отрекся от престола, а на следующий день отправил сво-

Арам Хачатурян

Подписание мирного договора в Тяньцзине

Великий князь Михаил Романов

Николай Милютин

Федор Гладков

ему брату Михаилу Александровичу из Пскова в Петроград телеграмму: «Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

Стать Михаилом Вторым младшему сыну Александра III оказалось не суждено: последний легитимный претендент на русский трон согласился принять верховную власть в стране лишь в том случае, если его на то уполномочило бы Учредительное собрание. Однако данный представительный орган, успевший провести всего лишь одно заседание — 18 января 1918-го, провозгласил Россию республикой.

В марте того же года находившийся в Гатчине Михаил Александрович был арестован и выслан в Пермь под надзор советской власти. До последних дней проживал в пермских гостиницах. В ночь на 13 июня чекисты и милиционеры тайно вывезли великого князя и его личного секретаря Николая Джонсона в лес и там — близ местечка Малая Язовая — без суда и следствия казнили.

18 июня

200 лет со дня рождения Николая Милютина

ЕГО ДЯДЯ по материнской линии Павел Киселев разрабатывал крестьянскую реформу во времена Николая I, а родной брат фельдмаршал Дмитрий Милютин вошел в историю как реформатор русской армии.

Николай Алексеевич начал службу в МВД и с молодых лет заставил себя уважать прежде всего тем, что брался за самую тяжелую работу: занимался железнодорожным строительством, в неурожайные годы помогал самым бедным крестьянским уездам. К концу жизни Николая I в его правительстве никто не мог сравниться с Милютиным в знании особенностей России, ее социального состояния, демографии, экономики. И неудивительно, что именно он стал идеологом коренных преобразований, осуществленных Александром II. Николай Милютин в 1856 году подал императору записку («Предварительные мысли об устройстве отношений между помещиками и крестьянами»), определив контуры будущей Крестьянской реформы. Последняя тем не менее не удовлетворила ее главного авто-

ра и вдохновителя. Тот, изначально рассчитывавший на более щедрые наделы для крестьян, подал в отставку. Некрасов воспевал Милютина как подвижника, «честного кузнеца-гражданина»:

*Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.*

Царь вернул Милютина на государственное поприще, когда настала необходимость в умиротворении мятежной Польши. И там Николай Алексеевич не оплошал. После его реформ польское крестьянство стало спокойнее и зажиточнее. В России этого талантливого государственно-го деятеля тоже вспоминали добрым словом довольно долго.

21 июня

135 лет со дня рождения Федора Гладкова

СВОИМ учителем этот некогда чрезвычайно знаменитый литератор, лауреат двух Сталинских премий, считал Максима Горького. Влияние буревестника революции особенно заметно в ранних сочинениях Гладкова, повествующих о жизни рабочих, крестьянской бедноты,

каторжников — людей социального низа.

Федор Васильевич стоял у истоков жанра производственной литературы. Его самый известный роман «Цемент», написанный в 1925 году и вошедший в хрестоматию советской прозы, был переведен на многие языки, издан в более чем 50 странах.

Горький дал «Цементу» следующую оценку: «На мой взгляд, это очень значительная, очень хорошая книга. В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд. До Вас этой темы никто еще не коснулся с такою силой. И так умно».

Второй опус Гладкова «Энергия», рассказывающий о строительстве Днепрогэса, Алексею Максимовичу не понравился. Автор долго и мучительно правил текст, однако придать ему идейную и художественную завершенность так, по сути, и не смог.

Его перу принадлежат интересная, довольно самобытная автобиографическая трилогия «Повесть о детстве» — «Вольница» — «Лихая година», литературные портреты

общественных деятелей, писателей, публицистические очерки, статьи и многое другое. Однако чаще всего Гладкова вспоминают как сказителя производственно-идеологических саг периода ранней индустриализации. За них же его, как правило, и наиболее ожесточенно критикуют, не понимая или не желая понять одной простой вещи: если бы наши классики умели писать о тяжелой физической работе так же ярко, увлекательно, захватывающе, как о военных подвигах, романтических приключениях, экзотических странах или причудливых фантастических сценах, то все мы, возможно, жили бы в совершенно ином мире — мире всеобщего добровольного труда и социальной гармонии.

30 июня

110 лет назад произошло падение Тунгусского метеорита

ВЗРЫВ некоего объекта, которое «метеоритом» назвали сугубо условно, произошел на расстоянии 5–15 км от поверхности Земли и был

мощностью от 10 до 40 мегатонн (бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, суммарно достигали эквивалента порядка 40 килотонн). Происхождение «небесного тела», не только повалившего лес на территории до 2200 кв. км, но и породившего уникальные атмосферные явления за тысячи километров от места «падения» (тоже условного, ибо частицы Тунгусского метеорита обнаружены не были), до сих пор не установлено.

Версии за век с лишним выдвигались самые разные, и ни одна из них не нашла подтверждения. Головоломную загадку заключает в себе область поваленных деревьев. Она в свое время приняла характерную для падения метеорита форму бабочки, однако специфику направленности лежавших стволов ученые объяснить так и не смогли. В первые годы после ЧП тайга была мертвой, а в дальнейшем растения росли аномально быстро, словно подверглись мощному радиационному воздействию. Анализ собранных минералов гипотезу о воспламенении ядерной материи также не подтвердил.

Тунгусский метеорит

Ретроспектива

ФОТО: РУСЛАН ШАМУКОВ/ТАСС

Бестужевский курс

Большой дворец
в Петергофе.
Портретный зал

Евгений Алдонин

325 лет назад в Москве родился Алексей Бестужев-Рюмин, один из бесспорных титанов мировой дипломатии, будущий канцлер империи, генерал-фельдмаршал, человек разнообразных талантов. Вклад, который он внес в развитие и укрепление государства Российского, колоссален и в полной мере не оценен. В истории нашего внешнеполитического ведомства было немало талантливых деятелей, однако стратеги бестужевского масштаба рождаются раз в несколько эпох. Весь русский XVIII век («столетье безумно и мудро») прошлестел бумагами особой важности на его письменном столе.

Алхимия большой политики

Долгая и блистательная карьера началась с благословения Петра Великого. Юношей Алексей поступил в датскую Шляхетскую академию. Затем служил в Ганновере. В 1714-м английский король Георг отправил его в Петербург с патентом британского министра. Царь Петр восхитился успехами соотечественника на иностранной службе и не преминул передать через него Георгу поздравление по случаю восшествия на престол.

Через семь лет государь определил Бестужева министром-резидентом (по существу — послом) при дворе датского короля. Самодержец всероссийский выделял своего назначенца, видел в нем многообещающего дипломата, несколько раз лично писал ему в Данию, а незадолго до своей смерти, на аудиенции, повесил ему на грудь собственный портрет, украшенный бриллиантами. Эту реликвию Алексей Петрович будет ценить превыше всех чинов и регалий.

Бестужев еще несколько лет провел в Европе, где шел непрерывный и напряженный турнир по политическим шахматам.

Портрет графа
А. Бестужева-Рюмина

Но увлекала Бестужева не только политика. Был он вдобавок ко всему еще и алхимиком-авантюристом. XVIII век не скупился на предприимчивых мистификаторов. В этом плане достаточно назвать имена двух графов — Калиостро и Сен-Жермена. Наш аристократ знал толк в подобных вещах, а однажды изобрел и впрямь чудодейственное средство — замечательные капли. По инструкции Бестужева, хлорное железо в определенной пропорции растворяли в спиртовой смеси с эфиром. Получившийся эликсир процеживали, разливали в прозрачную посуду и закупоривали. Сляпки держали на свету до полного обесцвечивания раствора, затем ставили в темное место и время от времени приоткрывали для доступа воздуха. Жидкость постепенно приобретала волшебный золотистый оттенок. Алексей Петрович уверял, что снадобье исцеляет от любого недуга (и даже Екатерина II верила в это). Оно действительно восстанавливало в организме необходимую концентрацию железа после распространенных в тогдашней медицине кровопусканий. Врачи применяли эти капли вплоть до 1940-х. Правда, помощник Бестужева химик Иоганн Лембке продал рецепт французскому бригадному генералу, известному по фамилии де Ла Мотт, и этот ловкач стал тиражировать бестужевское изобретение под названием «Золотой эликсир де Ла Мотта».

Когда на престол взошла Анна Иоанновна, Бестужев решил вернуться в Россию, чтобы — чем черт не шутит — управлять внешней политикой государства. И у него имелись для этого все основания: разнообраз-

ный дипломатический опыт, положение отца, который входил в узкий круг доверенных лиц грозной императрицы. Но та медлила с назначением. А претендент доказывал, что умеет с блеском исполнять самые щекотливые поручения. В архиве в Киле он обнаружил завещание Екатерины I, в котором устанавливались права герцогов Голштинских на русский престол. Для Анны Иоанновны лучшего подарка и быть не могло. Бестужева наградили, его карьера стала набирать высоту.

Есть в русской истории такое недоброй памяти понятие, как бироновщина. Эрнст Иоганн Бирон являлся фаворитом императрицы, умел разделять и властвовать, третируя в числе прочих отца Алексея Петровича, боролся с влиянием Бестужева-старшего на государыню, однако к сыну недруга, убедившему его в собственной полезности, отнесся весьма благожелательно.

Опытному царедворцу Андрею Остерману Бирон противопоставил талантливого новичка, хотя и побаивался его властолюбия. В 1740-м Бестужева ввели в кабинет министров, однако всесильному временщику оставалось править считанные недели... После свержения «курляндца» пострадал и его выдвигенец, которого приговорили к смертной казни через четвертование. Вскоре помиловали, при этом отняли чины и ордена. Опальному вельможе велели жить «смирно, ничего не предпринимая», в имениях, оставшихся у него после конфискации. Но через полгода, к удивлению друзей и врагов, он вновь появился в Петербурге. Не инкогнито — собственной персоной, чтобы вскоре встать у штурвала империи.

Веселая царица была Елисавет

Самый опасный соперник Бестужева Остерман последовал в ссылку, а изобретатель чудодейственных капель превратился в рачительного хозяина российской внешней политики. Елизавета Петровна не слишком любила приткого канцлера, но очень нуждалась в нем, а тот до поры до времени исхитрялся управлять ее эмоциями в интересах державы. «Веселая царица была Елисавет. Поет и веселится, порядка только нет», — иронизировал Алексей Толстой. Бестужев умел придать политике елизаветинского времени здравый смысл, убеждал царицу, что действует он по заветам ее великого отца, а собственный курс торжественно нарек «Системой Петра Великого». Лавировал между европейскими державами, укрепляя позиции России, твердо гнул свою линию на дипломатической бирже, хотя тактические приоритеты менялись, как погода. Сначала осторожно, но неуклонно боролся с влиянием Франции. Галантные галлы восхищались Елизаветой Петровной, обволакивали ее похвалами-комплиментами, но интересы двух государств пересекались и в Польше, и в Швеции. Для нас гораздо выгоднее был союз с Веной. Благодаря стараниям Бестужева австрийская императрица Мария

Г.К. Гроот.
«Императрица
Елизавета Петровна».
1740-е

Терезия признала Россию великой империей, а Елизавету — ее полноправной владычицей.

А потом Алексею Петровичу удалось перехватить переписку влиятельного француза, действовавшего в нашей стране, маркиза Жак-Иоахима Шетарди. Там содержались критические оценки политических талантов русской царицы. Такого двуличия государыня не простила. Бестужев торжествовал. Именно эта история легла в основу ленты «Гардемарины, вперед!», где роль канцлера блестяще исполнил Евгений Евстигнеев.

Кривотолки о финансовой нечистоплотности Бестужева далеки от объективности. Он не был альтруистом, однако недруги приписывали ему грехи по большей части иллюзорные. Пугал собственный карман с государственным? Случалось. Уж так вершились в те годы большие дела. Принимал финансовую помощь от союзников и считал это справедливым, однако противники знали, что купить Бестужева невозможно. Опять же на нужды государственных он не жалел ни сил, ни средств, в том числе собственных. Содержал внушительный штат соглядатаев, тайных агентов, которые работали не столько на него, сколько на Россию. Два десятилетия спустя эту политику продолжит Гри-

горий Потемкин. И тоже добьется успеха во благо империи.

Бестужев перенял от Петра I главное — веру в высокое предназначение России, в ее скрытые, заключенные в огромных просторах силы, замечательных людей, способных на подвиги. И умело использовал это, борясь за гегемонию в Европе. Тем временем на наших западных границах усиливался еще более опасный враг — Пруссия. В 1756 году началась Семилетняя война. Российская империя оказалась в коалиции с Австрией и Францией. Впрочем, французам наш канцлер по-прежнему не доверял, а против самонадеянного прусского короля действовал как настоящий гроссмейстер. И для союзников таскать каштаны из огня не собирался. Австрия, согласно договору, выплатила России два миллиона флоринов субсидий. Только после этого наша страна обязалась выставить против Пруссии 80-тысячную армию и флот с 15–20 линейными кораблями и 40 галерами. Через три месяца к коалиции присоединилась Швеция, решившая повоевать вместе с русскими против пруссаков. Не зря лучшим учеником Бестужева слыл наш посол в Стокгольме Никита Панин.

Агенты русского канцлера тоже не даром ели хлеб: Фридрих пове-

РЕТРОСПЕКТИВА

рил в дезинформацию — его убедили в том, что Россия к войне не готова. Между тем летом 1757-го фельдмаршал Степан Апраксин двинулся в Пруссию с 65-тысячной армией.

Из обители печали в фельдмаршалы

Канцлера, однако, больше занимали дела внутренние. Его мучил вопрос: кто станет преемником Елизаветы? Петр III, официальный наследник? Но он же форменный пруссак по духу! Бестужев предпочитал видеть на престоле его нелюбимую жену Екатерину, хотя бы в качестве регентши при малолетнем

Г.К. Гроот. «Портрет великой княгини
Екатерины Алексеевны»

сыне Павле. Жизнь Алексея Петровича десятилетиями напоминала мушкетерский роман, но столь рискованную ставку он сделал единственный раз в жизни. Вряд ли стремился при этом к личной выгоде, пусть и рассчитывал на немалые почести в случае успеха. Рисковать ради чинов и новых имений почетный старик не стал бы. Он первым из крупных деятелей разглядел политическое дарование будущей Екатерины Великой, предвидел, что на троне она не станет «вторым изданием» Елизаветы, блиставшей красотой, обаянием и великодушием, но управленческими талантами в общем-то не обладавшей. Именно Бестужев выжил из России мать будущей царицы Иоганну Ангальт-

Е. Евстигнеев в роли канцлера Бестужева в фильме «Гардемарины, вперед!»

Цербстскую, шпионившую в пользу Фридриха. Но чтобы стратегический план удался, требовалось одно непереносимое условие — болезнь и смерть Елизаветы, а государыня после недуга неожиданно пошла на поправку...

Старый канцлер понимал, что проигрывает. И все же не терял надежды. Успел сжечь свои изложенные на бумаге проекты возведения Екатерины на трон и даже послал ей секретное письмо с предупреждением о крахе заговора. Здесь-то и подвели соучастники: не уничтожили депешу, и та оказалась единственной серьезной уликой против канцлера. У него оставались на Западе друзья, и, наверное, он мог бы спастись бегством. Но удирать от смертельной опасности не стал. Погнулся.

«В соседней комнате находилась наготове гвардейский капитан. Маршал, князь Трубецкой, непримиримый враг Бестужева, взялся объявить ему его опалу и сделал это довольно бесцеремонно, собственноручно сорвав с него Андреевскую ленту... Затем позвали гвардейского капитана, сопровождавшего Бестужева домой. Отряд гвардейцев окружил карету, а в доме его уже стоял усиленный караул», — свидетельствовал один из участников тех событий.

Наследник престола Петр Федорович не скрывал ликования. Особым указом Бестужеvu было велено «жить в деревне под караулом, дабы другие были охранены от уловления мерзкими ухищрениями составившегося в них злодея». Он вернул в казну все награды, кроме одной, сокровенной — портрета Петра Великого. Так, говорят в подобных случаях, проходит мирская слава. Но иногда и она возвращается.

В те дни Алексей Петрович все чаще задумывался о бренности бытия, заглядывал в Евангелие, которое, впрочем, знал наизусть. Опалу переносил стоически. Имение в Можайском уезде, в котором проходили дни ссылки, нарек невесело — Горетово, а свой бревенчатый дом называл «обителью печали». Составил книгу «Избранные из Св. Писания изречения во утешение всякого неповинно претерпевающего христианина».

И все-таки он выиграл и эту войну. Переворот 1762 года привел Екатерину к власти. Бестужев снова сменил бороду отшельника на вельможный припудренный парик. Манифест о его полном оправдании зачитывали даже в храмах. Дипломат, никогда не носивший военного мундира, получил жезл фельдмаршала и стал «первым императорским советником и первым

членом нового, учреждаемого при дворе императорского совета».

И все же новые властители дум воспринимали его как реликт, образ уже отгремевших времен. «Меня поразило фальшивое выражение его умного лица», — вспоминала Екатерина Дашкова. В начальные годы правления Екатерины он, пожалуй, оставался последним «птенцом гнезда Петрова». Один из проектов великого царедворца — брак императрицы с Григорием Орловым. По существу — истинно петровское начинание, ведь первый российский император женился по любви, не считаясь с династическими формальностями. Однако на сей раз воспротивился Никита Панин, воспитатель наследника Павла Петровича. Бестужев удалился от дел, сохранив почетный статус дуайена большой политики.

Станислав Понятовский разглядел в нем такое качество: «Ему казалось столь естественным устранять все, что мешало его намерениям, он не останавливался ни перед какими средствами». В Бестужеve он ценил истинно политическую мудрость, умение преодолевать препятствия, не отвлекаясь на месть и зависть, ревность и предрассудки.

Еще глубже понимала Алексея Петровича его лучшая ученица, императрица Екатерина. «Он внушал к себе гораздо больше страха, нежели привязанности, был до чрезвычайности пронырлив и подозрителен, тверд и непоколебим в своих мнениях, довольно жесток с подчиненными, враг непримиримый, но друг друзей своих, которых не покидал, пока они сами не изменяли ему, в прочем неуживчив... а характером своим неизмеримо превышал дипломатов царской передни... его трудно было водить за нос», — характеристика далеко не самая приятная, но, думается, Бестужева она бы не обидела. Главное, что его школа торжествовала. Да и в наше время в успехах российской внешней политики есть некоторый отблеск заслуг великого канцлера.

М. Светлов

Человек и теплоход

Валерий Бурт

Его первое опубликованное стихотворение появилось в мятежном 1917-м, в екатеринославской газете «Голос солдата». Автору тогда было 14 лет, и как Михаила Светлова Мишу Шейнкмана еще никто, разумеется, не знал. Псевдоним, который прославит на века, он возьмет себе позже — как только поймет, что литературными талантами природа его отнюдь не обделила. 17-летним добровольцем на исходе Гражданской вольется в ряды Красной армии и впоследствии напишет об этом немало энергичных строк, включая те, которые и теперь хорошо знакомы миллионам соотечественников: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». 17 июня со дня рождения замечательного поэта исполняется 115 лет.

Откуда у хлопца испанская грусть?

Легендарное произведение у многих читателей почти неизбежно ассоциируется с вооруженным противостоянием республиканцев и франкистов в Испании — при том, что «Гренада» была написана за десяток лет до тех событий. Тут в пору вслед за автором задаться вопросом: «Откуда у хлопца испанская грусть?» С чего вдруг он умчался в далекую юго-западную про-

винцию Европы? И что это вообще — «обычное» для наших гениев-классиков предвидение грядущих событий или абсолютно случайная игра слов?

Михаил Светлов утверждал, что второй вариант гораздо ближе к истине: он как-то шел по Тверской мимо кинотеатра «Арс» и увидел вывеску «Гостиница «Гренада». Название приглянулось, «зацепило», и поэт решил с ходу написать одноименную серенаду. Однако создал в конечном итоге балладу, в которой отразилась владевшая умами идея мировой революции, неминуемой победы рабочих и крестьян над эксплуататорами: «Мы мчались, мечтая / Постичь поскорей / Грамматикой боя — / Язык батарей».

Владимир Маяковский читал «Гренаду» на поэтических вечерах. Несколько раз звонил Светлову, хвалил, подбадривал молодого стихотворца, давал ему профессиональные советы. Марина Цветаева просила Бориса Пастернака в письме: «Передай Светлову, что его «Гренада» — мой любимый, чуть не сказала мой лучший, стих за все эти годы. У Есенина ни одного такого не было. Этого, впрочем, не говори, пусть Есенину мирно спится».

Поначалу далеко не все восторгались стихом-песней. Автор долго и безуспешно носил текст по редакциям, пока не взялась напечатать «Комсомолка». Заведомо поэзии Иосиф Уткин на гонорар поспешил. Начислил по 40 копеек за строчку, хотя вначале обещал больше. Свою скарденность объяснил так: «Светлов может писать лучше».

Красный Гейне

К нему в то время прилепилось прозвище «красный Гейне». Он сам этому поспособствовал — в поэме «Ночные встречи» запросто обратившись к немецко-

му коллеге: «Милый Генрих, как я рад / Тебя, наконец, обнять. / Я тебя каждый день читал / Вот уже сколько лет». Оживший товарищ Гейне гулял по столице, внимательно смотрел по сторонам, слушал встречных. Причем оказался в курсе мельчайших подробностей советской жизни, знал творчество современных на тот момент рифмоплетов, удивлялся тому, что «вся печать бешеным лаем полна» и «который год в литературе тьма».

Сопоставление с Гейне нашего лирика раздражало. А тут еще главный редактор «Известий» Николай Бухарин подлил масла в огонь: «Конечно, Светлов очень хороший советский поэт, но можно ли его сравнивать с Гейне?.. Он, как и многие наши поэты, еще провинциален, широта его умственных горизонтов и высота мастерства не идут ни в какое сравнение с аналогичными свойствами творца «Книги песен».

Довольно ехидно отозвался на эту виртуальную русско-немецкую дружбу известный пародист Александр Архангельский:

*Присядьте, прошу вас, на эту тахту,
Стихи и поэмы сейчас вам прочту!.. —
Гляжу я на гостя, — он бел, как стена,
И с ужасом шепчет: — Спасибо, не на... —
Да, Гейне воскликнул: — Товарищ Светлов!
Не надо, не надо, не надо стихов!*

И тем не менее, держа курс в светлое счастливое завтра, он вполне удачно миновал все рифы и мели критики. Ругали его не сильно, скорее — журили. В газетных статьях, посвященных ему, не чувствовалось злобещей угрозы.

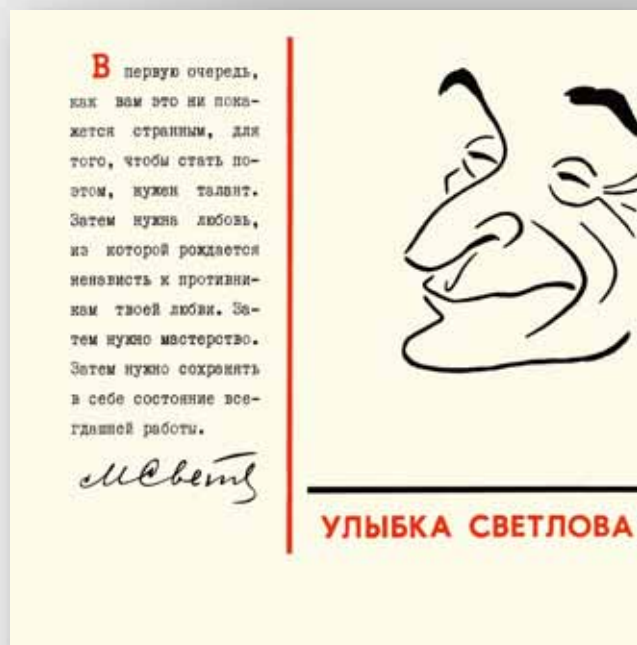
Рифма — дело десятое

В 1927-м было написано стихотворение «Живые герои», где есть строки про посмертную славу: «Прохожий застынет / И спросит тепло: / — Кто это умер, приятель? — / Герои ответят: / — Умер Светлов! / Он был настоящий писатель!»

Собственное, как, впрочем, и чужое, творчество поэт считал необходимым ранжировать, говорил, что есть стихи-офицеры, бывают — генералы, встречаются даже маршалы. Маршалскими погонами красовалась «Гренада». «Каховка» и «Итальянец» дослужились до генеральских чинов. При этом их творец самокритично подчеркивал: но было много рядовых, необученных.

В те годы поэт фигурировал в списках неблагонадежных. Например, в рапорте сотрудника НКВД говорилось: «Светлов (Шейнкман) Михаил Аркадьевич, 1903 года рождения, исключен из ВЛКСМ как активный троцкист».

Однако в отличие от многих, попавших под каток репрессий, он уцелел. Почему? Возможно, потому, что «вовремя» начал крепко пить. Согласно легенде, «полезный» совет ему украдкой дал следователь, вызы-

вавший на допрос: мол, пьяному все с рук сойдет, в том числе и неосторожно брошенные слова. Светлов как будто к этой рекомендации прислушался. Хотя, увы, не бросил пить и после того, как опасность миновала. Близкие друзья нередко видели его грустным, напряженно-задумчивым. А вообще, он слыл весельчаком с потрясающим чувством юмора, душой любой компании.

Поэт Лев Озеров по этому поводу писал: «Под грузом и гнетом своей сосредоточенности и опечаленности он находил выход в острословии. У этого острословия горький корень. Всю свою тоску, все свое одиночество, всю свою ранимость он прятал за острословием. Это была его броня».

На одной из встреч с читателями Светлова спросили: «Вы против корневой рифмы?» Литератор в ответ улыбнулся: «Нет, отчего же? Да и какая разница, против я или за. Не в рифме дело. Важно, чтобы, прочитав стихотворение, вы стали чище, выше, лучше. А какая там рифма — точная, глагольная, ассонансная, корневая, — ей-богу, дело десятое!»

Провозглашенным принципам старался следовать во всем, включая, само собой, поэзию:

Никакого нам не надо рая!

Только надо, чтоб пришел тот век,

Где бы жил и рос, не умирая,

Благородных мыслей человек.

Только надо, чтобы поколенью

Мы сказали нужные слова

Сказкою, строкой стихотворенья,

Всем своим запасом волшебства.

Побольше артериальных строк

Однажды он прочел небольшую, но впечатляюще образную лекцию стихотворцу Якову Хелемскому: «Посмотрите на мою кисть. Рука немолодого уже человека. Набухли синеватые жилы. По ним течет венозная кровь. Рядом артерии, по которым струится кровь очищенная. Но они не так видны. Вены всегда заметней. И в стихах рядом с артериальной, свежей, течет отработанная кровь, нуждающаяся в новой порции кислорода. Но если тканям организма необходим такой обмен, то поэтической ткани азот ни к чему. Поменьше венозных, побольше артериальных строк!»

Михаил Аркадьевич был очень добрым человеком — и в жизни, и в творчестве. Взять для примера подлинную историю его «Кольки». Во время Гражданской войны Светлову поручили расстрелять молодого махновца, но он

не смог выполнить жестокий приказ: «Колька, Колька... Где моя злоба? / Я не выстрелил, / И мы ушли назад: / Этот паренек, должно быть, / При рожденье вытянул туза».

В его стихах — не только горячее дыхание времени, кавалерийские атаки, свист пуль, грохот канонады («Эпоха... Кладет мне на плечи могучую руку, чтоб пульс мой считать по высокому стуку»). Порой красноречиво напоминали о себе и буйная молодость, и страстная влюбленность:

С первого пожатия руки

Как переменилось все на свете!

Обручи катают старики

Ревматизмом мучаются дети,

По Севану ходят поезда,

В светлый полдень зажигают свечи,

Рыбам опротивела вода,

Я люблю тебя, как сумасшедший.

У этих строчек, кажется, есть небольшое послесловие. Однажды Светлов увидел, что сидящий на скамейке парень читает подруге некое рифмованное сочинение. Поэт остановился. Заметив это, тец вознегодовал: «Зачем вы слушаете чужие стихи? Взяли ли бы и написали свои». Чем не анекдот?!

Растаем лучше над одесским пляжем...

«Боже мой, передо мной живой классик!» — этим возгласом поприветствовал Светлова как-то раз один его давний почитатель. Михаил Аркадьевич, грустно усмехнувшись, поправил: «Ее живой». Шутка была знаковой — новых поэтических шедевров к тому времени за ним давно не числилось.

К своему творчеству он относился без особого пиетета: рукописи не хранил, черновики выбрасывал, вышедшие из печати сборники раздаривал, не оставляя себе даже единственного экземпляра. Часто забывал, что сочинил накануне.

Известен, к примеру, такой случай. Светлов, побывав в гостях, вернулся домой — не очень трезвый, но и не сильно пьяный. Спать не лег, а затеял эксперимент: решил в своем «неопределенном» состоянии что-нибудь сочинить. Нацарапал, как он выражался, строк сорок...

«Утром проснулся, перечитал — чепуха, — рассказывал поэт Якову Хелемскому. — Но вы знаете, что важно? Важно уметь сокращать. Так вот, я по всем правилам этой науки на свежую голову — не очень-то, правда, свежую — вычеркнул большую часть стихотворения. Оставил три строфы...

Формоза спит.

Рассвет издалека

Чуть шевелит багровыми перстами.

Три облака, как три одесских босяка,

Плывут над незнакомыми местами.

Раскинулось внизу морское дно.

На нем акула выгнулась дугою.

— Ты чувствуешь? — спросило облако одно.

— Я чувствую, — ответило другое.

А третья, чуть заметное по весу,

Сказало: — Поплывем домой, в Одессу.

Что нового мы космосу расскажем?

Растаем лучше над одесским пляжем...»

Разумеется, собеседник оценил стихи как прелестные: двенадцать строк, три тональности, три души. Светлов же не придал своему локальному поэтическому успеху никакого значения, улыбнулся и сказал: «Пойду-ка я в ресторан, подкреплю свой дряхлеющий организм. Присоединяйтесь».

(«Поплывем домой, в Одессу» — не этот ли призыв спустя годы натолкнет Леонида Гайдая на мысль дать белому теплоходу в «Бриллиантовой руке» имя любимого поэта?)

Вас не любить нельзя

Он не был Аполлоном — удлиненное лицо, худой торс (свое телосложение Михаил Аркадьевич называл «теловычитанием»). Однако недостатки внешности с лихвой компенсировались поразительным интеллектом, остроумием, светлым и в то же время пронзительным взглядом. Его сердце радовалось «и самой малой новизне»: пробуждающейся природе, картинкам быта, словесным находкам. Этим поэт подкупал многих, в том числе Анну Ахматову, обычно крайне скупую на похвалы: «Знаете, Светлов, когда у нас в Питере мне говорили, как вас любят, я удивлялась: как могут такие разные люди любить одного человека? А познакомившись с вами, я поняла: вас не любить нельзя!»

А вот свидетельство другого стихотворца, Иосифа Уткина: «У этого милого человека была внутренняя независимость и безупречный вкус, не позволяющий ему делить людей по занимаемому положению. Его не интересовала известность. Он любил людей, сам держась в тени не только оттого, что был скромнее по натуре, — мироощущение поэта побуждало так вести себя».

Рядом с собранием стихов вполне уместен сборник остроумных высказываний Светлова. Возможно, ни один наш литератор не обладал столь тонким чувством юмора, не покидавшим его ни в радостях, ни в горестях.

Принесли ему очередное извещение об уплате за квартиру. По ознакомлении с цифрами он выдал мгновенно: «ЖЭК-потрошитель!» Писательница Лидия Либединская провожала его в Ялту и мечтательно приговаривала: «Счастливый, едешь к морю», — а в ответ услышала: «Не завидуй, старуха, и под кипарисом можно дать дуба!»

Светлов генерировал шутки-афоризмы и будучи тяжело больным, и даже умирающим: «Иду в поликлинику, опираясь на палочку Коха. Я думал, что рожден для звуков сладких и молитв. Но вчера мне назначили процедуру, и оказалось, что я создан для ультразвука, который будут вгонять в меня. И он совсем не сладкий».

Судя по воспоминаниям друзей и знакомых, Светлова даже не особенно волновал близкий приход смерти. Одна назойливая дама без конца спрашивала: «Михаил Аркадьевич, что же у вас все-таки найдут?» — «Талант!» — отвечал тот, как всегда, бодро и жизнерадостно.

В статье «Поэт ли ты» он рассуждал: «Чем больше думаю о себе, тем более я убеждаюсь в том, что я самый счастливый человек на свете... Почему я счастливый? Потому что абсолютно убежден в том, что когда люди меня потеряют, они загрустят. Кто-нибудь снимет с полки томик Светлова и молча полистает его». А в стихах звучала порой эдакая невеселая антитеза:

Каждый год и цветет,

И отцветает миндаль...

Миллиарды людей

На планете успели истлеть...

Что о мертвых жалеть нам?

Мне мертвых нисколько не жаль!

Пожалейте меня! —

Мне еще предстоит умереть!

Когда Светлова не стало, многие, как он и предполагал, действительно загрустили.

Ну а сегодня любители старой доброй русской лирики могут запросто снять «с полки томик Светлова», «молча полистать его» и уверенно заключить: хорошо, что у нас был (впрочем, почему был — есть) такой сильный и такой светлый поэт.

Мы все больны футболом

Ксения Воротынцева

Захватывающей игрой отечественные художники увлеклись еще в начале XX века. Одним из первых к этой теме обратился Казимир Малевич («Супрематизм. Живописный реализм футболиста, красочные массы в 4-м измерении», 1915). Геометрическая композиция так и осталась забавным казусом: советские живописцы предпочитали изображать футбол в реалистическом ключе. Интерес мастеров к стадионным «битвам» то усиливался, то сходил на нет, однако до конца не исчез и в наши дни. Не случайно чемпионат мира по футболу Россия встречает чередой выставок: в Русском музее показывают «Спорт в советском фарфоре», ГМИИ им. А.С. Пушкина готовит камерную экспозицию «Родченко и Степанова. Футбол».

А. ДЕЙНЕКА. «ВРАТАРЬ», 1934

ФУТБОЛ, ставший популярным еще до революции, сумел «встроиться» в культурную и идеологическую парадигму СССР. Одной из главных задач советская власть видела формирование нового человека: художники и архитекторы возводили конструктивистские здания, корпели над интерьерами, разрабатывали темы для промышленного дизайна. Активно использовалась пропаганда спорта: житель Страны Советов должен быть не изможденным декадентом, а сильным, выносливым атлетом. Английский историк искусств Майк О'Махоуни в монографии «Спорт в СССР: физическая культура — визуальная культура» анализирует вектор, заданный государством. Первоначально акцент делался

А. ДЕЙНЕКА. «ФУТБОЛИСТ», 1932

на массовом участии граждан в спортивных мероприятиях. Маркером подобной политики стало введение нормативов ГТО, а также широкое распространение физ-

культурных парадов. Последние, с одной стороны, являли собой масштабное яркое зрелище, прекрасно срежиссированный спектакль. С другой — вовлекали в действие огромные массы людей. Футбол, по словам О'Махоуни, не совсем укладывался в политику партии. Он был именно зрелищем: болельщики на стадионе «делегировали» игрокам право состязаться на поле, сами же оставались наблюдателями. Впрочем, игра с мячом пользовалась всенародной поддержкой: в итоге она оказалась включена в орбиту советских спортивных практик. Росту популярности способствовала и первая Спартакиада, проведенная в СССР в 1928 году. Вот что пишет О'Махоуни: «Ее футбольные матчи собирали рекордное количество зрителей и

ОТРАЖЕНИЕ

в мельчайших деталях освещались прессой — не в последнюю очередь благодаря участию в Спартакиаде команд из Англии и Уругвая (на тот момент сильнейших футбольных держав) и победе, одержанной в итоге хозяевами игр».

Неудивительно, что крупнейшие художники не могли пройти мимо подобной темы. Самым «спортивным» живописцем советской эпохи считался Александр Дейнека. Пропагандировавший физическую активность, он увлекался боксом и дружил со знаменитыми футболистами братьями Старостиными. На хрестоматийном автопортрете (1948) мастер изобразил себя обнаженным по пояс, в боксерских трусах, «присвоив» (по предположению О'Махоуни) торс натурщика — все-таки мэтру к тому времени было почти 50 лет. В творчестве Дейнеки игра с мячом — нередкий сюжет. Например, рисунок «Футбол» (1928), создававшийся для журнала «Даешь!», — в этой работе ощущается влияние немецкого экспрессионизма. Картина с аналогичным названием (1924) также демонстрирует знакомство с западным искусством тех лет. Александр Дейнека хотел быть современным, соответствовать эпохе. Он вспоминал: «Писал

М. ВРУСИЛОВСКИЙ «ИГРА В МЯЧ (ФУТБОЛ)», 1965

футбол. Игру любил, знал ее, как тысячи моих сверстников, как десятки тысяч взволнованных зрителей. Игра каждый раз наталкивала меня на желание написать картину. Наделал десятки рисунков и, набрасывая один из многих неудачных эскизов, я обнаружил — эскиз не укладывается в композиционные нормы знакомых картин. Я компоновал новое пластическое явление и вынужден был работать без исторических сносков. Я догадался написать то, что многих волновало, интересовало. В моем творчестве была удача. Игра натолкнула меня на свой самостоятельный язык. Позже я понял, почему, когда вокруг бурлила иная жизнь, люди в хаки ездили в теплушках, трупы возили возами — была Гражданская война; художники, многие по крайней мере, писали обычное: пейзаж в лапоточках, французские пейзажи, дам в кринолинах. Они писали не то, что видели, а то, что этим годам было абсолютно не нужно. Картина гораздо позже, чем плакат, стала находить свое революционное лицо».

Наиболее известная «футбольная» вещь Дейнеки — монументальный «Вратарь» (1934): произведение отличается необычным ракурсом и композицией. С одной стороны, художник не боялся экспериментировать: большую часть холста занимает игрок, пытающийся поймать мяч. Герой изображен на уровне глаз зрителей, так что публика ощущает себя соучастником событий, изображенных на полотне. С другой стороны, фигура вратаря в предвоенные 30-е приобрела особый смысл: спортсмен воспринимался как защитник страны, ее границ.

Другой советский колосс — Юрий Пименов, не избежавший влияния западных течений, — также не раз обращался к теме спортивных состязаний. Знаменитое полотно «Футбол» (1926) демонстриру-

А. ЗВЕРЕВ «ФУТБОЛИСТЫ», 1969

Н. ДОРМИДОНТОВ. «ФУТБОЛ НА СПАРТАКИАДЕ». 1933

ет формальные поиски, которыми увлекался художник. Вероятно, автора вдохновила победа советской команды над сборной Турции в 1924 году, когда наши спортсмены выиграли со счетом 3:0. Но еще более важная цель для мастера — ухватить дух эпохи. Пименов вспоминал: «Я стремился изобразить все самое современное: современного человека, индустрию, спорт. Только сугубо современное казалось мне достойной темой живописца. Я рисовал и солдат в стальных шлемах, и негритянскую оперетту, и заводы, и уборную мюзик-холльных актрис, и нарядные обувные магазины Берлина, и всевозможные спортивные состязания. Это был самый наивный, «детский модерн», мальчишеская любовь к футболу».

К этой теме обращались и скульпторы. Наиболее хрестоматийный пример — творчество Елены Янсон-Манизер («Футболист», 1926), а также композиция Иосифа Чайкова «Футболисты» (1928): миниатюрная копия последней украшает кубок чемпионата России по футболу. Современники восхищались инженерным решением творения Чайкова: сложная группа имеет лишь одну точку опоры. Отлитая в бронзе, скульптура много лет стояла перед зданием Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке, после реставрации ее переместили в залы на Крымском Валу.

Командная игра привлекала и таких художников, как Николай Дормидонтов («Футбольный матч СССР — Турция», 1935), Федор Богородский («Футбол», 1929); обращался к ней эмигрировавший в

Берлин Николай Загреков («Герта» нападает. С мячом — Ганне», 1930). Некоторые из мастеров не только страстно болели за любимые команды, но и считали себя профессиональными спортсменами. Одним из подобных авторов был почти забытый сегодня Петр Новиков (в Русском музее хранится созданный им макет книги «Стадион», 1929). Его современник писал: «Пожалуй, я не смогу перечислить виды спорта, которыми занимался Новиков. Бег, борьба, гимнастика, лыжи, футбол, теннис... И это не перечень забав сильного человека. В спорте, как в искусстве, он терпеть не мог дилетантов. Всю его жизнь пронизывала спортивная страсть, зародившаяся в детстве».

Первые советские десятилетия, 1920–1930-е, оказались «золотым временем» для художников, исповедовавших культ здорового тела. Впоследствии отношение к теме стало меняться. Уже на рубеже 40–50-х в картины проникают бытовые мотивы. Так, «Вратарь» (1949) Сергея Григорьева — не кадр из напряженного матча, а повседневная сценка: мальчишки, гоняющие мяч. Изменилась и политика государства: началась профессионализация спорта. Победы в крупных международных турнирах ста-

К. МАЛЕВИЧ. «СУПРЕМАТИЗМ. ЖИВОПИСНЫЙ РЕАЛИЗМ. ФУТБОЛИСТА, КРАСочНЫЕ МАССЫ В 4-М ИЗМЕРЕНИИ». 1915

ОТРАЖЕНИЕ

ли рассматриваться как один из способов политической борьбы: демонстрация превосходства коммунистического строя над капиталистическим. В ситуации, когда требовалось воспитывать профессиональных атлетов, массовые занятия физкультурой отошли на второй план. Советские граждане все больше становились не участниками, а потребителями зрелищ: этому способствовало сокращение рабочей недели и появление дополнительного времени для досуга.

Постепенно сошла на нет и героизация физической культуры в живописи. Примером критического осмысления темы можно считать картину «Гимнасты СССР» (1964–1965) Дмитрия Жилинского. На коллективном портрете — ушедшие в себя индивидуальности. После этой работы спортивные образы почти исчезли из творчества официальных художников (не считая периода проведения Олимпиады-80). Зато к подобным сюжетам обратились представители андерграунда, придавшие им, правда, негативное звучание: например, Оскар Рабин («Футбол», 1956) изобразил спортсменов, у которых вместо голов — мячи.

Иначе, более лирично, запечатлел футболистов Анатолий Зверев (1969), страстный болельщик «Спартака». Вот что рассказывал один из современников мэтра: «С четырнадцати лет Зверев стал выступать в юношеских футбольных командах и хотел стать вратарем-профессионалом, как его кумир — необычайно популярный тогда голкипер Леонтьев. Интересно, что антипод Зверева в живописи — Владимир Вейсберг — был несколькокими годами раньше центральным нападающим юношеской сборной Москвы. Так им и предстояло в будущем: одному — нападать, другому — защищаться, хотя ни один из них футболистом так и не стал». Другое свидетельство

А. ДЕЙНЕКА «ФУТБОЛ», 1924

ЭЛЬ ЛИСИЦКИЙ «ФУТБОЛИСТ», 1922

А. ДЕЙНЕКА «ФУТБОЛИСТЫ», 1955

ство — почти анекдот: «Как-то за ним гнался милиционер. Зверев бежал и увидел, как ребята на пустыре играют в футбол. Тогда он подбежал к вратарю, сказав: «Дай я постою в воротах». Мальчик, опешив, отошел, а Зверев сделал вратарскую стойку. Милиционер ничего не заметил и проследовал дальше. Зверев же похлопал по кепке «настоящего» вратаря и пошел в другую сторону».

Спортивные образы переосмыслились в 80-е. В частности, на картине Арона Зинштейна («Футбол», 1986) игра с мячом напоминает хаос, театр абсурда, а не торжество красивых комбинаций.

После развала Союза футбол остался периферийной темой, хотя периодически отмечались всплески интереса. Разработка сюжетов продолжалась в скульптуре (Андрей Налич, «Футболистка», 2006), живописи (Александр Виноградов, Владимир Дубосарский «Земля — Чемпион!», 2004). Однако былой увлеченности «королем спорта» в художественной среде не наблюдается. Посмотрим, удастся ли чемпионату мира-2018 переломить эту тенденцию.

Поле, русское поле

14 июня 2018 года — знаменательный день в истории отечественного футбола: сборная России матчем с Саудовской Аравией в «Лужниках» откроет домашний чемпионат мира. В течение месяца наша страна будет в центре внимания всего спортивного сообщества планеты. Сотни миллионов болельщиков прильнут к экранам, следя за происходящим на полях двенадцати суперсовременных стадионов.

«Екатеринбург Арена»

Дмитрий Ефанов

ВТОМ, что мы подарим человечеству большой и яркий праздник, сомневаться не приходится. Хотя для нас, россиян, счастье будет явно неполным, если подопечные Станислава Черчесова в родных стенах выступят неудачно. Надеемся на лучшее и вспоминаем славные страницы национальной футбольной летописи. В 2018-м отмечается сразу несколько примечательных дат, а нынешнему поколению есть с кого брать пример.

1958.

Урок для англичан

Дебют сборной СССР на чемпионате мира состоялся 60 лет назад.

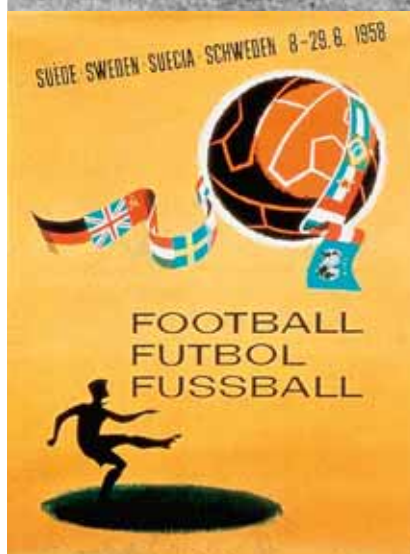
В Швецию она приехала в ранге действующих олимпийских чемпионов. В первом же матче подопечным Гавриила Качалина предстояло сразиться с «родоначальниками» футбола. К этому моменту подданные ее величества еще не преодолели снобизма по отношению к соперникам и считали себя законодателями мод в самой лучшей на планете игре.

Однако шапкозакладательские настроения у парней знаменитого коуча Уолтера Уинтерботтома улетучились довольно быстро. Первый час игрового времени прошел при полном преимуществе советской команды, которая усилиями Никиты Симоняна и Александра Иванова дважды отправила мяч в ворота Колина Макдоналда. Даже после ответного гола Дерек Кевана наши контролировали ход поединка. К несчастью, в концовке встречи в дело вмешался венгерский арбитр Иштван Жолт...

Воспоминания об этом эпизоде не давали покоя Льву Яшину и

Матч СССР–Бразилия. Гётеборг, 1958

по прошествии многих лет: «Было видно: англичанам не уйти от поражения — ничего кардинального для изменения характера игры они не предпринимают и, видно, предпринять не могут. Но когда до конца оставалось меньше десяти минут, Кеван ринулся в очередной раз к моим воротам. Мяч был у него в ногах, и он мчался прямо на Крижевского, пытавшегося прикрыть меня. Вблизи штрафной площадки они резко пошли на сближение, оба оказались на траве, а мяч вкатился в штрафную, и я спокойно завладел им. И тут-то произошло непоправимое: судья Жолт вдруг дал свисток и показал — пенальти! Жолта окружили наши игроки, показывая на поднимающегося Кевана — тот лежал вне пределов

штрафной, но судья, растолкав футболистов, схватил мяч и поставил его на одиннадцатиметровую отметку. Это была страшная несправедливость — весь стадион видел, что англичанин упал вне штрафной площадки».

Выступление на мировом первенстве команда Качалина продолжила победой над Австрией — 2:0. В заключительной встрече группового этапа советские футболисты с таким же счетом уступили бразильцам, среди которых уже тогда блистал юный Пеле. Многие специалисты до сих пор называют тот созыв «канареечных» сильнейшим в истории.

Спустя девять дней судьба вновь свела сборные СССР и Англии. В дополнительном поединке они должны были определить, кто из них вслед за Бразилией проследует в четвертьфинал. Судя по тому, что британцы заранее заказали билеты в Стокгольм на матч с Швецией, урок не пошел им впрок. В состязании нервов успех сопутствовал нашей команде — единственный гол забил в середине второго тайма Анатолий Ильин.

К сожалению, следующая встреча на турнире оказалась для нее последней. Измотанные тяжелыми поединками с Бразилией и Англией русские не смогли ничего противопоставить хозяевам турнира,

А. Банишевский в матче СССР–Венгрия. Будапешт, 1968

обладавшим на тот момент самой сильной атакующей линией в Европе, — 0:2 — и возвращение домой. Спортивное руководство Страны советов подвиги футболистов не оценило, признав выступление в Швеции неудачным, хотя по нынешним меркам подобный результат можно считать как минимум достойным.

1968. Жребий брошен — Шестернев молчит

За прошедшие с момента того дебюта десять лет сборная СССР прочно закрепилась в элите мирового футбола. Советская команда в 1960-м стала победителем первого Кубка Европы, а спустя четыре года в Испании дошла до финала этого турнира. В наши дни в такое трудно поверить — серебряные медали не спасли от отставки тогдашнего главного тренера Константина Бескова. Столь суровая реакция была обусловлена тем, что его игроки уступили хозяевам на глазах диктатора Франко.

В поход за следующим континентальным трофеем отправились уже под руководством Михаила Якушина. В то время в финальную стадию попадали всего четыре команды. На пути к выступлению в квартете сильнейших перед нашей сборной встали венгры. После первого матча в Будапеште советские болельщики впали в уныние: наших атлетов переиграли со счетом 2:0. В ответном поединке в Москве нас могла спасти только крупная победа. При поддержке переполненных «Лужников» подопечные Якушина добились нужного результата.

За выход в финал предстояло побороться с итальянцами. На залитом дождем газоне в Неаполе в основное и дополнительное время никто не смог поразить ворота. Полвека назад о серии пенальти в футбольном мире еще даже не задумывались, победителя определяли с помощью быстрой жеребьевки. Навстречу фортуне

в подтрибунное помещение отправились капитаны Джанчинто Факкетти и Альберт Шестернев. Другие представители команд, согласно правилам, в судейскую не допускались, однако туда несанкционированно проник Якушин, еще в свои юные годы получивший прозвище «хитрый Михай».

Первый жребий был для нас удачен: Шестернев получил право выбирать орла или решку. Из трех приготовленных монеток разных стран взяли французскую. И тут Якушин заметил, что она неровная. Одна из ее поверхностей была выпуклой, а опыт подсказывал, что именно на эту сторону и надо делать ставку. «Выбирай фигуру», — крикнул тренер. И тут на капитана напал какой-то столбняк, в чем он впоследствии признался: «Вроде бы слышу, что Михеич кричит, а сделать ничего не могу». Судье ждать надоело, и он обратился к Факкетти. Тот мгновенно сообразил, в чем хитрость,

Матч СССР–Бразилия. В. Татарчук против Л. Сержио. Сеул, 1988

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ЗУФАРОВ/ТАСС

и «выбрал фигуру». Так итальянцы вышли в финал, а наш футбол лишился возможности вплотную приблизиться к историческому достижению: выступить в главном матче Евро четырежды подряд и тем самым установить рекорд, который в нынешних условиях повторить почти невозможно.

1988. Последнее «золото» Сеула

На закате советской эпохи наши атлеты явили миру всю мощь отечественного спорта. «В одни ворота» были выиграны зимняя Олимпиада в Калгари и летняя — в Сеуле. И даже постоянно критикуемые фут-

болисты смогли устроить болельщикам весьма продолжительный праздник.

Первой взяла слово главная сборная страны под управлением Валерия Лобановского. Мэтр тренерского дела использовал при подготовке национальной команды наработки киевского «Динамо», с которым в 1986-м выиграл Кубок кубков европейских стран. Особенно тяжело пришлось игрокам из других клубов, которые столкнулись с огромными физическими нагрузками.

Вот что вспоминает по этому поводу спартаковец Александр Бубнов: «Сборная под управлением Лобановского могла любого соперника подавить мощью. Валерий Васильевич взял на вооружение методику тренировок легкоатлетов. Для организма стресс сумасшедший, но если адаптируешься к нагрузкам, то в игре крылья за спиной вырастают. Среди прочего Лобановский культивировал занятия на скоростную выносливость. Футбольные острословы окрестили ее «тестом смерти». Первый отрезок — двести метров на максимальной скорости. Пробежал — пульс 180–200. За три минуты отдыха должен опуститься до 120. Потом четыреста метров. Затем еще шестьсот — полтора круга на максимуме. Чувствую, все — ноги перестают слушаться. Думаете, на этом испытания закончились? Нет. Забеги на 800 и 1200 метров никто не отменял. Многих ребят в конце истязания выворачивало наизнанку, рвало прямо на поле».

Изнурительные тренировки дали свои плоды. По словам того же Бубнова, в решающих матчах футболисты летали по полю. В полуфинале спустя двадцать лет опять встретились с итальянцами.

«Весь матч их «возили», накрыли прессингом, — продолжает Александр Викторович. — Лобановского потом приглашали на

Апеннины читать лекции местным специалистам. Выдающийся тренер Марчелло Липпи, который позднее привел «Скуадру адзурру» к успеху на чемпионате мира, не стеснялся говорить, что учился на основе советской тренерской методики».

В финале встречались с голландцами. Увы, сработало неписаное футбольное правило: в рамках крупного турнира одного и того же соперника дважды, как правило (хотя, конечно, бывают исключения), не обыгрывают. На групповом этапе сборная СССР взяла верх, а в главной встрече уступила. Победный гол Марко ван Бастена в ворота Рината Дасаева многие болельщики называют лучшим в истории (ставят даже выше шедевра Диего Марадоны в знаменитой битве Аргентины и Англии на ЧМ-86).

Уже через несколько месяцев наш футбол отпраздновал свою последнюю значимую победу — на Олимпиаде в Сеуле. Слова комментатора Владимира Маслаченко «Юра, дорогой, забивай, я тебя умоляю!», адресованные нападающему Савичеву, бежавшему с мячом к бразильским воротам, повторила вся страна.

Спустя тридцать лет Анатолий Бышовец продолжает считать этот успех главным в своей тренерской карьере: «Изначально мне доверили руководить молодежной командой, которая позднее трансформировалась в олимпийскую. У подобной идеи было много противников. Постоянно приходилось выдерживать прессинг с разных сторон, спорить, доказывать правоту выбранного курса. В конечном итоге высшее спортивное начальство смирилось. После выигранной «битвы» в кабинетах сосредоточился на подготовке к турниру. В Корею команда выступила как единое целое. Тяжелые испытания были пройдены с честью. Аргентина, Италия, Бразилия — великолепные сборные, но

Г. Хиддинк

ФОТО: АНТОН ДЕНИСОВ/РИА НОВОСТИ

и они капитулировали под советским напором.

Еще одна важная составляющая успеха — место проживания на Играх. Сразу заявил руководителям делегации, что в Олимпийской деревне футболистов не будет. Слишком много отвлекающих факторов. Матчи шли через день, поэтому в тренировочном поле необходимость отсутствовала, и я повез команду на корабль. Там ребятам готовили борщи, каши, поили квасом. В наше распоряжение предоставили баню и сауну. В подобной обстановке игроки чувствовали себя комфортно. Чиновники едва в драку не лезли, требовали вернуться в «деревню», но тщетно. В итоге жизнь подтвердила мою правоту».

2008. Как с Гуса вода

С распадом Советского Союза футбольным болельщикам пришлось надолго забыть о серьезных достижениях. В нашей стране спорт номер один все чаще становился предметом насмешек.

ФОТО: АНТОН ДЕНИСОВ/РИА НОВОСТИ

А. Аршавин и А. Ойер в матче Россия–Нидерланды. Базель, 2008

Шутки были нередко на грани фола, но достойного ответа у футболистов не находилось.

Не ждали чудес от сборной России и на Евро-2008, куда команда под руководством голландского тренера Гуса Хиддинка попала благодаря хорватам, сенсационно обыгравшим на «Уэмбли» англичан, причем в последнем туре отборочного турнира.

Разгромное поражение наших на старте чемпионата от Испании (1:4) никого не удивило, болельщики были готовы к очередному бесславному вылету на групповой стадии. Но спустя несколько дней ситуация резко изменилась. Стала приносить плоды работа, проделанная штабом Хиддинка в подготовительный период. Русские выиграли три встречи кряду. В матчах с Грецией, Швецией и Нидерландами был пропущен всего один гол, а победа над голландцами стала одной из самых ярких за все время существования отечественного футбола. Тысячи людей высыпали на улицы городов. Страна гуляла после матча всю ночь. Позитивное впечатление от выступления на Евро не смазало даже поражение в полуфинале от Испании, в ту пору объективно сильнейшей сборной планеты.

С тех пор прошло десять лет. За этот период вера в команду в болельщицкой среде почти угасла, уступив место очередным не смешным шуткам. Домашний чемпионат мира предоставляет игрокам отменную возможность вернуть потерянный за последние годы престиж и еще раз доказать, что Россия — футбольная страна.

ФОТО: ВАЛЕРИЙ МАТЫЦИН/ТАСС

ФОТО: REUTERS/PIKSTREAM

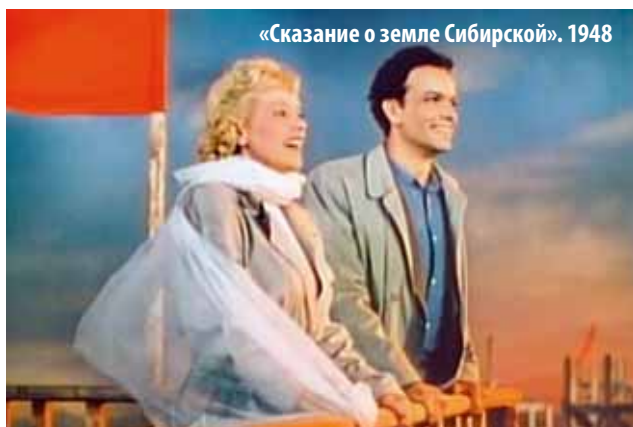
Сказание о красе Сибирской

Николай Ирин

Судьба Марины Ладыниной отчасти парадоксальна: долгий земной век и сравнительно небольшое количество любимых народом фильмов с ее участием. Кажется, актрисе не повезло со сторонними трактовками: неточные оценки и поверхностные славословия сочетались с акцентированным вниманием сначала к личной жизни звезды, потом — к ее зрелости вне творческого процесса и, наконец, к одинокой старости. Ладынина заслуживала куда более чуткого отношения. Рассматривать ее жизненный и творческий путь в духе нескончаемых, как правило, низкопробных ток-шоу негоже, тем более сегодня, незадолго до 110-летия со дня рождения Марины Алексеевны.

БУДУЩАЯ артистка появилась на свет в селе с неблагозвучным названием Скотинино (в Смоленской губернии). По одной из версий, отец происходил из польских дворян. Так ли? Нет особого смысла разбираться в том, что представляется недоказуемым. В своем последнем интервью актриса специально отметила, что ее мать была совершенно неграмотной. А Марина мечтала в детстве стать библиотекарем. «Я так рано начала читать! И много», — в этих словах как будто есть некий ключик к загадкам ее характера, творческой мастерской и судьбы в целом: когда рушились старые уклады — приобретали небывалый престиж утонченность без аристократического лоска, грамотность и сообразительность вне сословного положения. В столицах аукалось — в провинции откликалось, причем чрезвычайно стремительно. К тому времени семья, где кроме Марины было еще трое детей, переехала в Сибирь, в село Назарово, что неподалеку от Ачинска. Ей приходилось много работать по хозяйству, а одновременно адаптироваться в среде рано испытывающих свою натуру деревенских шалопаев.

«Ребята знали, что я такая отчаянная, и потому заводили меня, — вспоминала она свои детские развлечения — страшно сказать! — через восемь десятков лет. — И я обязательно должна была их посадить в лужу!» Глаза рассказчицы при этом горели огнем, былой азарт нигде не девался и в ее девяносто с хвостиком.

«Сказание о земле Сибирской». 1948

«Свинарка и пастух». 1941

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«В 6 часов вечера после войны». 1944

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Вместе с ребятами я водила лошадей в ночное», — а этим признанием Ладынина подчеркивала, что она, плоть от плоти народа русского, вполне соответствовала традиционному укладу своего социального класса. В то же время настойчиво искала возможности для реализации скрытого потенциала. В решении этой трудной задачи поспособствовал уже Иван Пырьев.

Впрочем, еще до встречи с ним будущая звезда самостоятельно выбрала и прошла серьезный путь. Марина заинтересовалась театром стихийно — участвуя в школьной самодеятельности. Когда училась в педагогическом классе в Ачинске, периодически подменяла актрис местного театра. Какое-то время поработала учительницей, а в Москву отправилась по комсомольской путевке — поступать в вуз по специальности. Однако подала документы в ГИТИС и была туда зачислена (в 1929-м). Диплом с пометкой «особо одаренная» она будет с гордостью хранить до своих последних дней. В 1933-м оказалась распределена во МХАТ. Еще во время учебы снималась в небольших киноролях, а самой заметной тогда стала ее работа в откровенно пропагандистской ленте режиссера Юрия Желябужского «Просперити» (1932), где Ладынина очень выразительно сыграла слепую американскую цветочницу.

По ее версии, знакомство с Пырьевым произошло сразу после премьеры нашумевшей картины Абрама Роома «Строгий юноша». Ивана Александровича, у которого за плечами были Первая мировая и Гражданская, актерский опыт в постановках Эйзенштейна и Мейерхольда, многолетняя работа сценаристом и помощником режиссера, а также пара собственных кинопостановок, представила Марине подруга. Они гуляли и долго, увлеченно беседовали.

Пырьев состоял в браке с актрисой Адой Войцик, у них рос ребенок. Теперь никто достоверно не расскажет, что появилось сначала — внезапное влечение к Ладыниной или подспудный режиссерский замысел. Григорий Александров за два года до этого осуществил в отечественном кино не меньше, чем жанровую революцию, — выпустил «Веселых ребят», где в главной роли блистала его супруга Любовь Орлова. То, что амбициозного Ивана Пырьева этот смелый проект вдохновлял и провоцировал на состязание, сомнению не подлежит. Марина Алексеевна так и формулировала: «Пырьев придумал сделать героиню, противоположную Орловой». Здесь в пору задуматься о том, какими причудливыми путями идет порой формирование художественного образа. Из соревнования с успешным товарищем, импортировавшим из Америки как идею звезды, так и салонно-эстрадную артистическую манеру, Иван Александрович вынес образ нашей потенциальной соплеменницы — эстетически над нами приподнятой, но все-таки не до заоблачных высот.

Если в их первой совместной работе, снятой на украинской студии «Богатой невесте» (1937), Ладынина, скорее, обычная селянка, простенько причесанная и вряд ли увлекающаяся чем-либо серьезным, основательным, то уже в следующей картине, «Трактористах» (1939), произошло удивительное преображение. Этот фильм — настоящий прорыв, подлинное художественное свершение, равное, возможно, «Броненосцу Потемкину». Пырьев задал новый цивилизационный стандарт, выступив с беспощадной, хотя и завуалиро-

«Богатая невеста». 1938

ФОТО: РИА НОВОСТИ

ванной по законам легкого жанра, критикой старого уклада. Бригада Назара Думы (актер Борис Андреев) — народная стихия в чистом виде, в полном соответствии с поговоркой «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Когда на нее нет должной управы, парни уподобляются лихой гоп-компании, в которой тон задает прибалтанный адъютант Назара Савка (Петр Алейников). Но как только танкисту Климу Ярکو (Николай Крючков) удастся авторитетно осадить молодых, те закономерно превращаются в удар-

ников пятилетки и надежный армейский резерв. Мужики меряются мускульной силой, конкурирующая с ними девичья бригада — немногим изящнее. Чего стоит ночная сцена, где Клим исполняет свою коронную песенку «Три танкиста», а девчата глуповато хихикают да лузгают семечки, олицетворяя, в сущности, все ту же плохо управляемую стихию без мировоззренческого стержня и ясной ориентации в социальном пространстве. Радикально отличается от девушек лишь их знатный бригадир Марьяна Бажан.

Увы, впоследствии Ладынина зачем-то вторила «критикам» нашей культурной революции, жаловалась на то, что Пырьев чуть ли не терроризировал ее атрибутикой скотного двора, не давал проявить себя во всей красе — как это было у Александрова с Орловой. Подобные претензии несколько изумляют: во-первых, «колхоз» — не то, чего следует стыдиться советской актрисе, а во-вторых, он особенно заметен (несколько при этом не доминируя над прочими образами и антуражами) лишь в картинах «Свинарка и пастух» и «Богатая невеста». Во всех остальных слу-

«Трактористы». 1939

ФОТО: РИА НОВОСТИ

«Испытание верности». 1954

чаях героиня Марины Алексеевны — модно подстриженная, изобретательно наряженная дама, которая подается режиссером в качестве, если угодно, лидера социальной модернизации. Новаторство «Трактористов» как раз в том и состоит, что под видом добродушной сельской простушки скрывается уравновешенная, окультуренная, политически вменяемая женщина новой формации.

Ладынина была очень высокого мнения о Вере Марецкой, которая в фильме «Член правительства» играла, как известно, «простую русскую бабу», «мужем битую»... Гениальный ход Пырьева состоял как раз в том, чтобы эту диковатую, архаичную социально-психологическую стадию «перескочить». Марьяна Бажан носит такие комбинезоны и кепочки, которые — после легкой доработки — не грех предложить и нашим избалованным всевозможными дизайнерскими штучками современницам. Более того, ее образ строится как противовес иным фальшиво чувствительным, отталкивающе манерным персонажам прежней эпохи. Марьяна наделена и высокими чувствами, и красивой чувственностью, при этом напрочь лишена пошлой игривости праздно флиртующих девиц на выданье. Ее искренность неподдельна, внутренняя открытость завораживает. Пырьев предлагает в «Трактористах» такой тип лирической героини, которую способна воплотить на экране актриса совершенно нового склада. Ее собственная психика должна была без дополнительной притирки вместить в себя образ принцессы, не обремененной родословной, зато обладающей в наилучшем виде всем прочим.

Любопытно, что в основе сюжета лежит классическая коллизия, позаимствованная из комедии положений: Назар по взаимной договоренности с уставшей от поклонников Марьяной берется изображать ее сурового, ревнивого жениха, что приводит к полной изоляции ищущей любви девушки.

Итак, исходное условие — вполне типическое для жизни манерных кокоток. Ладыниной же предстояло психологически «присвоить» чуждое обстоятельство, но в то же время дистанцировать образ и от капризных дам прошлого, и от нарочито простоватых колхозниц с семечками. Актриса эту режиссерскую задумку убедительно реализовала. «Трактористы», которых наравне с другими картинами Пырьева — Ладыниной антисоветчики давно и беззастенчиво заклеили как «про-

пагандистский лубок», требуют кардинальной переоценки. На самом деле они вместе с «Кубанскими казаками» — грандиозное творчество, выдающиеся примеры культурно-цивилизационного созидания.

Героини Марины Алексеевны придуманы и сыграны так, что являют собой жизнестроительные, жизнеутверждающие образцы — не кондово-лубочные, не посконно-суконные, но всегда современные, мобилизующие на внутреннюю работу, возвышающие над поведенческими схемами эпох.

Забавно, но, штудировав учебно-боевое пособие, Марьяна невольно прибавляет к уставным характеристикам воина ту, которая волнует ее, юную и мечтательную, в первую очередь: «Танкист должен быть выносливым, спокойным, решительным и... красивым».

Трудные, жестокие времена диктуют свою повестку, однако женская натура ее мягко корректирует. Возможно, просто «хорошая актриса» оставила бы все эти перипетии в узкой сюжетной нише (типа «а я люблю военных, красивых, здоровенных»), однако Ладынина, равновеликая Любови Орловой звезда, и здесь, и в шедевре страшной поры «В 6 часов вечера после войны» умудряется избежать как ходульной патетики, так и качеств примитивных комедий. Сыгранная ею женщина всегда внутренне равна внешним проявлениям. Когда в стихах объясняется с персонажем Евгения Самойлова, не решаясь сразу же ответить на его любовный порыв, мы понимаем: в этой нерешительности нет кокетства, нет флирта ради выгоды или некоего гремучего подтекста. А как только она соглашается быть его невестой — вся огромная воюющая страна начинает чувствовать себя неуязвимой. Ведь надежность этой женщины и этого союза — вне подозрений. Чтобы сыграть такое, мало одной актерской техники, необходимо полное внутреннее соответствие.

«Держись за шею, а то упадешь!» — командует Клим, садясь на мотоцикл и намереваясь подвезти Марьяну после аварии. «Держусь!» — отвечает та, не капризничая, не заигрывая, но всецело доверяя. Собрательный образ персонажей Марины Алексеевны из фильмов Ивана Пырьева — манящая константа. Высокая простота отношений, которую чудесно показала на экране актриса, — не архаика, а пример для подражания на все времена.

На семи холмах

Наша древняя столица

Ольга Марьяновская

Музей-заповедник «Коломенское» к собственному 95-летию развернул в залах Сытного двора уникальную экспозицию. Она привлекает не только исторической и художественной ценностью собранных предметов, но и своей «энциклопедичностью», представляя собой увлекательный путеводитель по истории древней столицы.

В России немало географических точек, именуемых за особую энергетику «местами силы». Если бы существовал термин «место знания», то он бы, несомненно, подошел усадьбе «Коломенское» в целом и юбилейной выставке — под названием «Загляни в сокровищницу музея» — в частности.

Воспользуемся приглашением и заглянем. Тем более что принимать гостей (включая, естественно, футбольных болельщиков со всего мира) она будет лишь до 1 июля.

В XVII ВЕКЕ на этих землях находилась загородная резиденция царей Романовых. Особенно любил тут бывать Алексей Михайлович по прозвищу Тишайший. По его приказу в селе Коломенское выстроили огромный великолепный деревянный дворец. В детские и юные годы сюда нередко приезжал будущий император Петр Великий. Со временем здание обветшало, и при Екатерине II его сочли нужным разобрать. Однако перед сносом произвели точные обмеры, изготовили подробные планы (по ним уже в XXI столетии — стараниями московских городских властей на территории заповедника была со-

Барщевского — бывшая царская вотчина превратилась постепенно в богатейший национально-культурный заповедник. При том, что тогдашние власти к наследию прошлого относились в лучшем случае равнодушно.

На одном из стендов впервые выставлен для всеобщего обозрения мандат на организацию музея, выданный 10 февраля 1923 года Главнаукой Наркомата просвещения РСФСР.

По предложению первого директора музея Петра Барановского на территорию «Коломенского» стали отовсюду свозить спасенные памятники деревянного зодчества, произведения малых архитектурных форм, фрагменты декора, иконы, старопечатные и рукописные книги, священнические облачения из уничтоженных храмов, монастырей и усадеб. С тех пор собрания регулярно пополнялись, прежде всего — предметами, дающими представление о старомосковском (в широком смысле), по преимуществу боярско-дворянском быте и укладе. Мультимедийные технологии позволяют ознакомиться с ценными фотоснимками, сведениями о руководителях и научных сотрудниках музея разных лет,

здана реконструкция царских хором). В комплекс дворцовых служб входило и сохранившееся здание XVII века — Сытный двор — именно здесь когда-то началась новая история одного из самых примечательных уголков Москвы.

Первый зал юбилейной выставки содержит архивные документы, рассказывающие о возникновении музея. Это произошло спустя пять лет после очередного переноса русской столицы, на сей раз — из «колыбели революции».

Усилиями энтузиастов-интеллектуалов — архитектора и реставратора Петра Барановского и знаменитого фотографа Ивана

с результатами проводившихся в «Коломенском» археологических раскопок.

Представленные в экспозиции слюдяные оконницы когда-то были частью дворца Петра I в Переславле-Залеском. Закладная каменная плита конца XVII столетия — из Сухаревой башни и белокаменные капители из церкви Святого Николая «Большой крест» на Ильинке (оба памятника архитектуры снесены в 1934 году). Настоящие шедевры — первые музейные поступления — иконы «Богородица — гора Нерукосечная» XVI века и «Троица», выполненная в 1677 году иконописцами Оружейной палаты Симоном Ушаковым и Никитой Павловцем.

Знаковое достояние музея — «Апостол», первая датированная в России инкунабула, напечатанная самим Иваном Федоровым. С момента ее появления фактически началась эра книгоиздания в нашей стране.

Фонды музея-заповедника десятилетиями пополнялись подлинными артефактами XVII–XVIII веков. Много ценных приобретений уже в новейшие времена сделали закупочные комиссии департамента культуры Москвы. Так сложилась коллекция западноевропейского художественного серебра и других предметов монаршего обихода.

В 1970-е жители вошедших в состав мегаполиса села Коломенское и близлежащих деревень переселились в новостройки.

В память о прошлом района был создан в те годы этнографический фонд, включающий в себя домашнюю утварь, народную одежду, орудия крестьянского труда.

Каждая вещь — подлинная, имеет свою, известную экскурсоводам, судьбу. По словам куратора выставки Лилии Розовой, сотрудники до сих пор поддерживают связь с потомками здешних старожилов. Собрание много лет пополнялось также экспонатами, доставленными из других регионов.

В 2005 году был образован Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник. В его состав вошли «Коломенское», царская резиденция в Измайлово и усадьба «Люблино». С этого момента в местные фонды стали поступать предметы дворянской усадебной культуры XVIII–XIX веков — старинные мужские и женские костюмы, оружие, антикварная мебель, произведения изобразительного искусства, включая декоративно-прикладное. В память о некогда существовавшем в Измайлово стекольном заводе собрали коллекцию раритетного зеленого и бесцветного стекла, керамики. Приобрели аптекарскую банку, изготовленную в 1701 году в Саксонии по заказу Петра I. Все это выставлено в витринах на втором этаже. Тут же находится раздел, посвященный реставрационной и научной работе, проделанной местными сотрудниками в течение многих лет. Некоторые экспонаты были буквально возрождены из небытия. На фото показано, как мастера трудились над реставрацией иконы «Богородица Владимирская» XVII века, дарохранительницы конца XIX столетия из Николо-Угрешского монастыря, фелони — богослужебного облачения православного священника из церкви Живоначальной Троицы

села Троицкое-Лобаново, дамского шелкового платья в стиле модерн.

Мониторы и информационные стенды сообщают о наиболее значимых зданиях архитектурного ансамбля в «Коломенском». Первый каменный шатровый храм в России — церковь Вознесения Господня XVI века, входит в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Иоанно-Предтеченская церковь в селе Дьяково и Георгиевская колокольня XVI века, Водовзводная башня, Государев двор. На территории музея-заповедника собраны деревянные постройки — домик Петра I (привезен в 1934-м из-под Архангельска), проездная башня Николо-Корельского монастыря конца XVII века, фортификационная башня Братского острога, в которой по преданию отбывал ссылку протопоп Аввакум.

Несколько лет назад здесь появился еще один важный экспонат — копия голландского домика Петра I из города Заандам, где царь жил в 1697 году, в период обучения искусству кораблестроения на местной верфи. Макет был подарен правительством Нидерландов.

Этим летом, в дни проведения чемпионата мира по футболу, музей предложит посетителям немало интересного. Найти себе занятие по душе здесь не проблема, а в июне тем более. Можно взять напрокат велосипеды, самокаты, веломобили, детские электромобили, поиграть в настольный теннис. На Ярмарочной площади в городке «Потешная слобода» действуют 14 увлекательных аттракционов. Для детей и подростков проводятся игры-путешествия, мастер-классы, всевозможные учебно-познавательные программы, олимпиады, конкурсы. На территории парка пройдет концерт «Коломенское. Музыка в Усадьбе», посвященный Дню молодежи, а также фестивали народной, православной и духовой музыки, программа «День балалайки». Организованы поездки на теплоходах по Москве-реке с круговым маршрутом Коломенское — Сабуровские мосты — Николо-Перервинский монастырь — Коломенское.

ФОТО: ДМИТРИЙ КОРОБЕЙНИКОВ/РИА НОВОСТИ

С. РЕРИХ. «ПРОФЕССОР НИКОЛАЙ РЕРИХ», 1942

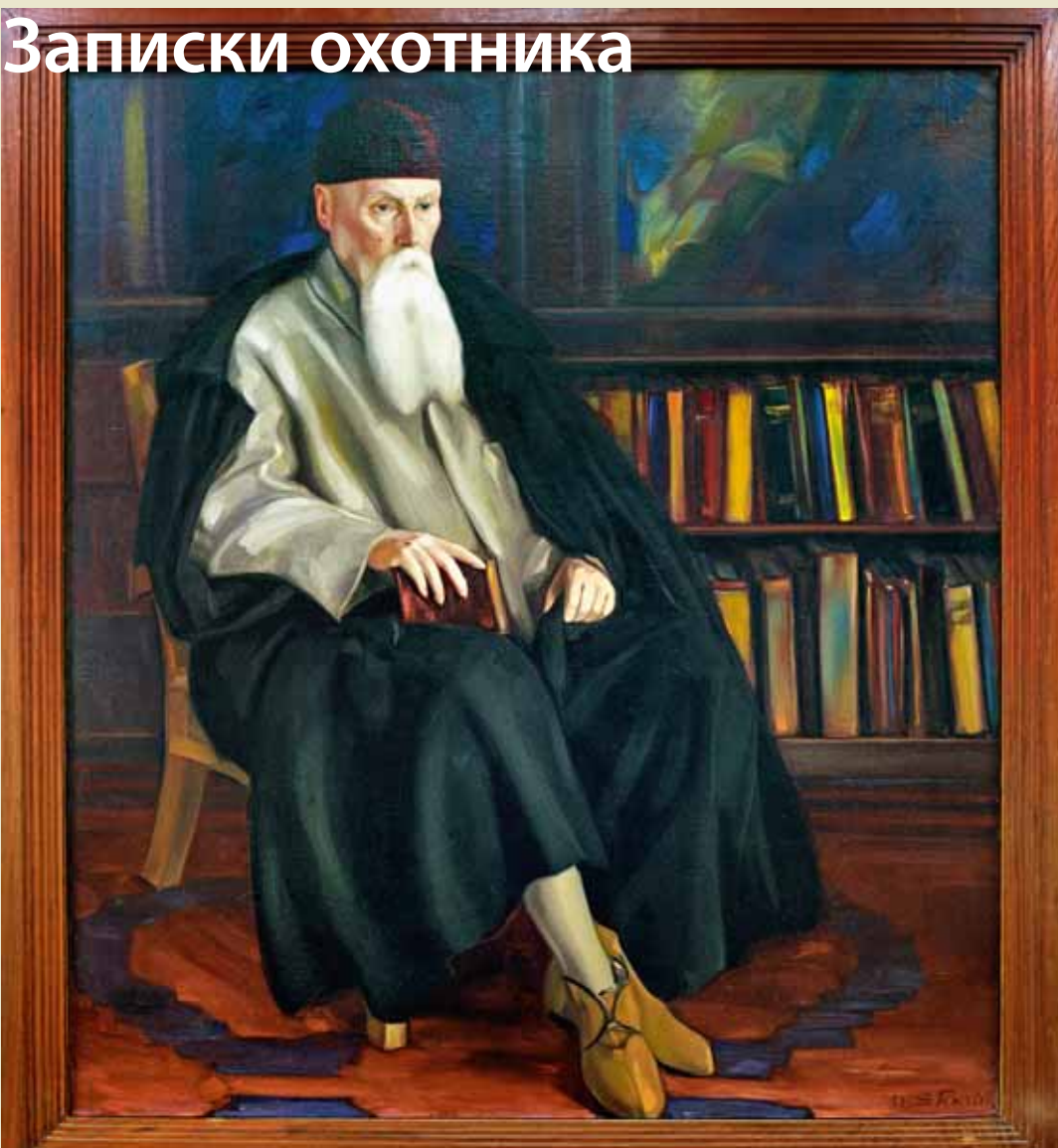

ФОТО: ЧУМИЧЕВ АЛЕКСАНДР/ТАСС

«Княжья» против «Царской»

Михаил Булгаков

Жизни и творчеству Николая Рериха (1874–1947) посвящено огромное количество книг и монографий. Но лишь в последние годы исследователи обратили пристальное внимание на его увлечение охотой. Им удалось обнаружить новые факты, документы, свидетельствующие о том, что эта страсть оказала серьезное влияние на мировоззрение знаменитого художника, поэта, философа, общественного деятеля.

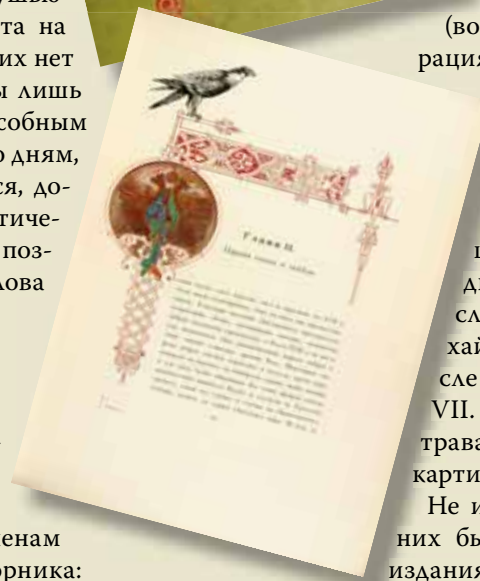
Жил на свете «майский жук»

С середины XIX века в Петербурге существовала известная «немецкая» гимназия Карла Мая. Ее учеников и педагогов именовали «майскими жуками», и одним из них был в 1883–1893 годах Николай Рерих. Его увлекали история, география, гимназический театр (делал эскизы к спектаклям), археология. Каникулы и праздничные дни подросток проводил в имении Извара Царскосельского уезда. Там же приистрастился к охоте и собиранию всевозможных коллекций. Он довольно рано начал писать стихи, рассказы и даже пьесы, однако первые его литературные опыты были опубликованы именно в охотничьей периодике. Заметка «Сарычи и вороны» появилась в 1889-м в сабанеевском журнале «Природа и охота», а годом позже материал юноши напечатали в журнале «Охотник». Особенно плодотворным выдался 1891-й: в «Охотничьей газете» и «Русском охотнике» вышло полтора десятка его текстов — о природе, охоте и оружии, в том числе о самодельных пыхах и оригинальном способе предохранения ружей от ржавчины с помощью лака.

Небольшие статьи были обычно «привязаны» к сезонным явлениям — глухариным и тетеревиным токам, прилету пернатой дичи, вальдшнепиной тяге, появлению птенцов на гнездах. Наряду с желанием рассказать об увиденном словами в молодом человеке быстро развивалась способность к рисованию. Ему, правда, недоставало на первых порах мастерства, и живописные картины охоты в его исполнении остались лишь в эскизах, набросках, зарисовках тушью и карандашом («У костра», «Охота на медведя», «Охотники в лесу»). В них нет четких линий, а фигуры показаны лишь силуэтами. Рерих был весьма способным учеником и как художник рос не по дням, а по часам. Дабы в этом убедиться, достаточно взглянуть на анималистические миниатюры, созданные чуть позже: «Голова утки», «Бекас», «Голова собаки», «Прибылая лисица».

Времена года

Успешные выступления в охотничьих журналах привели к мысли об издании рассказов и очерков, выстроенных по временам года. Сохранился план такого сборника:

Зима. I. Грустная история. II. За путным зверем.

Весна. III. Глухариная песня. IV. Тетеревиный ток. V. Тяга.

Лето. VI. Барсучья травля. VII. По выводкам. VIII. Перелет.

Осень. IX. Лосиный бой. X. Облава. XI. Недоброе место. XII. Не от мира сего.

XIII. Ночь на Рождество.

Он задумывал выпустить книгу (возможно, с собственными иллюстрациями) под названием «Лесные отголоски», но замысел остался неосуществленным. В Отделе рукописей Третьяковки хранятся более десятка его очерков. Если судить по нумерации, их общее количество могло достигать двадцати. Сохранившиеся имеют следующие названия: «Лесник Михайла» (Из летних записок), II. «После дождя», IV. «Вечером на уток», VII. «Рассказы Михайлы», IX. «Потрава», XIII. «Облава», XVIII. «Зимние картины», XIX, XX. «Тяга».

Не исключено, что хотя бы часть из них была опубликована в российских изданиях (необязательно охотничьих)

«Княжья охота. Утро». 1901

в 1890-е, тем более что Рерих иногда печатался под псевдонимами (Молодой, Р. Изгой). Впрочем, могло быть и так: кто-то из его знакомых, чье мнение он ценил, посоветовал ему сосредоточиться на живописи, не отвлекаться на литературные занятия.

Среди ранних опытов Рериха-художника особое место занимают несколько набросков и этюдов, запечатлевших охотников на лодках. Вероятно, именно эти рисунки несколько лет спустя были использованы для живописной дипломной работы в Императорской Академии художеств «Гонец. Восстал род на род» (1897).

По всей видимости, к рукописям не увидевшей свет книги «Лесные отголоски» вплотную примыкает — если и не хронологически, то тематически — поэтическое послание, датированное 14 июля 1899-го. С этим артефактом произошла курьезная, хотя и нередкая для музеев история. О его существовании в стенах Государственного исторического музея (ГИМ) долгие годы ничего не подозревали не только многочисленные рериховеды, но и сами музейщики, пока не стали разгребать (в 1986-м) содержимое шкафов в собственном Отделе дерева.

Случайно обнаруженный, начертанный рукой Николая Рериха текст выполнен в стиле модных в то время дружеских посланий-посвящений, отправлявшихся по самым разным поводам. Ученые мужи горяча решили, что адресатом стихотворения, написанного на манер древнерусских грамот, был президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович. Однако позже ведущий научный сотрудник ГИМ Александр Афанасьев доказал в специальном исследовании, что стихи посвящались другу и учителю Рериха, профессору Высшего художественного училища при Академии Владимиру Беклемишеву. Написанные по традиции старорусской вязью, они были отправлены, предположитель-

но, в виде бумажного свитка-грамоты с сургучной печатью на витом шнурке и в берестяном футляре.

Рукописное стихотворение не имело названия, а свое громкое заглавие «Поэма об утиной охоте» получило с легкой руки музейных работников. Отметим, что в архивах ГИМ были найдены и несколько других ранее неизвестных писем художника, но они носят деловой или личный характер, с охотничьей тематикой ничего общего не имеют.

А самые значительные живописные произведения в этом плане — огромные, вытянутые по горизонтали (3,5x1,2 м) полотна «Княжья охота. Утро» и «Княжья охота. Вечер». Работу над ними художник начал в 1900 году в парижской мастерской Фернана Кормона. Существовало несколько вариантов «Княжьей охоты», большую известность приобрели два панно, выполненные для столовой дворца великой княгини Ольги Александровны в имении Рамонь Воронежской губернии. Картины экспонировались на Парижском салоне и на весенней выставке 1902 года в Академии художеств. Они пользовались огромным успехом как у широкой публики, так и у взыскательных коллег и критиков из мира искусства. Особо отмечалось полотно «Утро» с великолепной композицией, выбранной для сцены преследования лося собаками и несущимися во весь опор охотниками на лошадях.

Вызов принят

В чем крылась причина, побудившая обратиться к этой теме, да еще и в монументальном исполнении? Тяготевший к русской старине художник, конечно же, знал о грандиозном труде Николая Кутепова «Царская охота», оформленном с привлечением Василия Сурикова, Ильи Репина, Виктора Васнецова, Николая Самокиша и других выдающихся живописцев. Более того, иллюстраторами 3-го тома книги стали

«Княжья охота. Вечер». 1901

молодые, близкие Рериху по взглядам на искусство и творчество Александр Бенуа, Валентин Серов, Евгений Лансере. Почти все они были друзьями или знакомыми Николая Константиновича. Едва ли кто-то из названных (кроме Рериха) слыл охотником, однако же все они получили приглашение поучаствовать в работе над престижным историческим изданием, а их общий приятель по какой-то причине остался не у дел.

Замысел и форма исполнения «Княжьей охоты» напрямую перекликаются со многими сюжетами-иллюстрациями книги Кутепова, словно автор полон хотел доказать: уж в чем в чем, а в этом деле он нисколько не уступает собратьям-коллегам. Создается впечатление, что Рерих даже бросил им вызов... Увы, повторимся, места среди иллюстраторов «Царской охоты» ему не нашлось. Дело ведь еще и в том, что два последних тома посвящались петровской и последующим эпохам — периодам, которые никогда не были предметом пристального внимания Николая Рериха. В подобной стилистике он замышлял писать картину «Охота на кабана». Работа осталась незаконченной, а эскиз к ней хранится ныне в петербургском мемориальном собрании Степана Митусова.

Северный путь

Казалось бы, успех «Княжьей охоты» должен был подвигнуть на разработку удачной темы и поиск средств для ее воплощения, но после поездки по городам России, предпринятой в 1903–1904 годах, художник резко меняет не только манеру письма, но и взгляды на смысл и задачи творчества.

Ярким примером произошедшей с ним метаморфозы служит проект фриза для майолики «Каменный век. Север»: «Охота на моржей», «Пляски», «Олени» (1904). Мелкие детали охотничьей сцены как будто

ушли из сознания художника, уступив место изначальному смыслу охоты — добыче пропитания. Рерих окончательно утвердился в том, что главное в изображении — не красота «реквизита» и не прочий подобающий древнему занятию антураж, а некое фундаментальное противоречие: человеку, чтобы продлить собственное существование в окружающем его прекрасном мире, приходится эту гармонию грубо нарушать, преуменьшать.

Целая серия «северных» эскизов («Погоня», «Несут оленя») со сценами охоты и рыбной ловли явила зрителю новое, почти аскетическое видение охотничьей философии. Особенным настроением в этот период отличается лишь пронизанное светом и радостью красочное панно охоты на уток с луком «Поморяне. Утро» (1906).

Очевидно, на эволюцию взглядов Николая Рериха повлиял его вновь обретенный уклад с абсолютной невозможностью заниматься любимой и привычной для него охотой — утиной (на токах и вальдшнепиной тяге), не говоря уже о зверовой. Один за другим появляются на свет два сына. Его избирают директором школы Императорского общества поощрения художеств, академиком Российской академии художеств, председателем объединения «Мир искусства», почетным и просто членом невообразимого количества выставок и салонов. Все это сопровождается бесконечными поездками по России и почти по всем странам Европы. Какие уж тут глухариные тока и упоительные вечера на тяге...

В 1917-м на некоторое время карусель его жизни остановилась: в дни революции художник вместе с семьей находился в Финляндии и вернуться на Родину не мог. Но после небольшой паузы странствия возобновились, и теперь уже не только по Европе. Рерих становится «гражданином мира», погружается в глубины восточной философии.

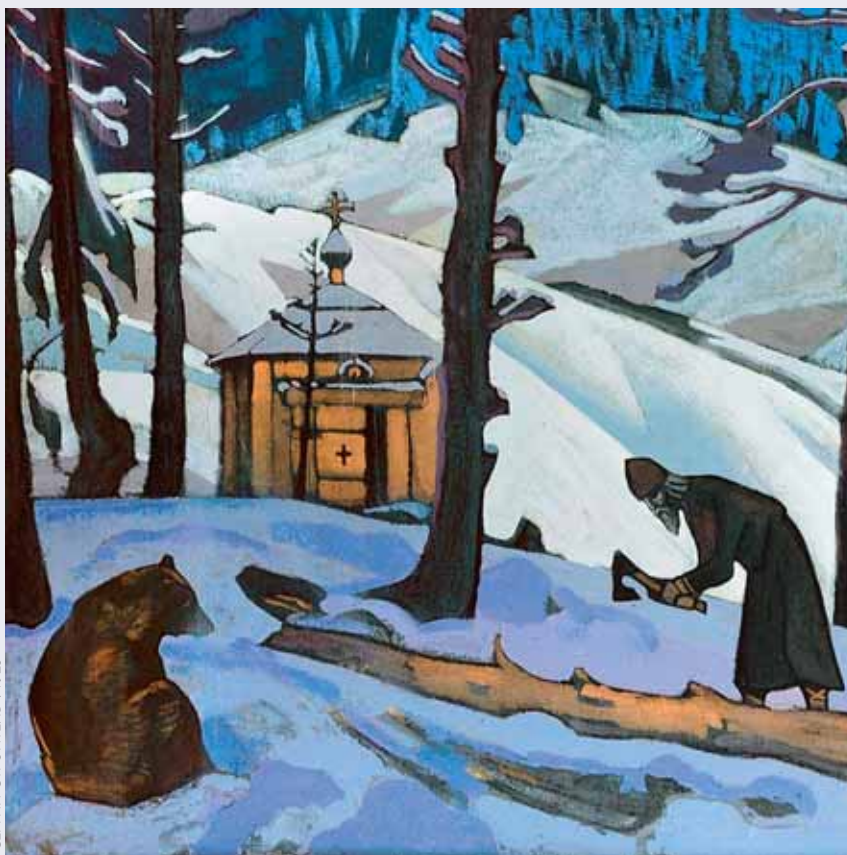
Очутившись в 1920-м за океаном, он развил бурную общественную и творческую деятельность. Выставки его картин были организованы в тридцати городах Америки. И вдруг... 1921 год, Чикаго, самый городской из всех городов США, колоссальный символ урбанизма. И именно здесь Рерих пишет высоким, свободным от житейской суеты слогом «Наставление ловцу, входящему в лес». Любопытно, что автор тут же отстраняется от собственного текста, сообщает, что он имеет к нему лишь опосредованное отношение, что основные идеи были переданы ему для переложения на бумагу неким Учителем, Мастером Мория.

Толкователи этого странного трактата изучили его вдоль и поперек, рассмотрели на свет и попробовали на зуб, хотя внутренний смысл предельно ясен: фигурирующий в «Наставлении» «ловец» — это любой «охотящийся в лесу», проще говоря, тот, кто вынужден жить в человеческом обществе по его непреложным законам. Иное дело — автор для изложения сокровенных мыслей избрал символическую фигуру, а жизнь человека сравнил с охотой. Что же касается философских глубин, то Рерих предоставил читателю отыскивать их в тексте самостоятельно. А уж отыщет ли и какие — дело десятое, чтобы не сказать «темное»...

В конце 1923-го, исколесив полсвета, философствующий странник бросает семейный якорь в Индии, стране мечты, увиденной в детстве на картине в гостинной изварского имения.

Человек и природа

Когда он туда перебрался, знакомые и немалое количество появившихся к тому времени последователей решили, что их гуру обретет наконец-то уединение, долгожданный покой у подножия Гималаев и приступит к откры-

«СЕРГИЙ-СТРОИТЕЛЬ», 1925

«СОСТРАДАНИЕ», 1936

тию новых истин. Ничего подобного. Художник, расширяя границы учения «Живая Этика», снова пустился в странствия: Сикким и Бутан, Россия (в том числе Байкал, Алтай, Москва), Европа, опять Америка, Япония, Китай, вновь Россия, Монголия — далее везде. В этой кругосветной эпопее особенно стоят Центрально-Азиатская (1925–1928) и Маньчжурская

(1934–1935) экспедиции со всеми их невзгодами.

Во время второй из них Рерих и его спутники столкнулись в горах с большим отрядом вооруженных, враждебно настроенных аборигенов. Некоторые биографы считают, что в критической ситуации он в полной мере проявил свои волевые и охотничьи навыки: быстро сориентировался, приказал за-

«Поэма об утиной охоте»

Худогу* именитому
 Болярину Владимиру,
 Ревнителю, рачителю
 Российскаго художества,
 Лепных подобий здателю
 На празднике святом
 Палаты оружейничей,
 А терема иконнаго,
 Изограф дела травнаго,
 Меньшой Архипа братии
 Со всяцем пожеланием
 Благим челом я бью.
 Подай Вам Бог искуснаго
 Произмысленья до-века,
 Хороших дум до полночи,
 Сна добраго до полудня,
 На сто лет благоденствия,
 А дочке — жениха.
 Скажи, болярин набольший,
 Зачем потехой красною,
 Утехою охотою,
 Забавиться не стал?..
 А я глухою полночью
 Встаю, как тать в нощи,
 Не моюсь, платье странное,
 Шутовское, поганое с зелеными
 Опушками, с застежками зверовыми,
 Спешу одеть. Беру
 Оружье смертное, ножи и сумки
 С флягами, с прехитрыми
 Свистульками, приманками,
 С узорной сеткой серою.
 Одевшись таким идолом,
 Заморской шляпой с перьями
 Покрывшись, выхожу; спускаюся
 По лестнице (скрипят ступени
 Старья, построенныя в барщину
 Из дуба); живо егеря
 И лесников бужу.
 Собаки воют, бесятся...
 Гремит замок, дверь щелкнула,
 Бренчит погон ружья.
 На двор выходим — серо все;
 Любовно ручкой ласковой
 Погладил щеку утренник;
 Восток желтеет, за лесом
 Чуть брежжится рассвет.
 К реке идем по заводям...

*Худог — ученый, мудрец
 (церковнославянск.)

нять выгодную позицию на высотке, дал указания по применению оружия и направил к монголам гонцов с предупреждением о том, что в случае агрессии «не пощадит ни их, ни их юрты». Конфликт был улажен. Кстати, в той экспедиции Николай Константинович носил пуленепробиваемый жилет, теперь этот знаковый предмет выставлен в экспозиции Международного центра-музея им. Н.К. Рериха в Москве.

На закате жизни неутомимый искатель истины, сеятель специфических знаний неожиданно вновь обратился к теме «человек — добыча». Казалось, в Индии он бесконечно отдалился от России и всего, что некогда заполняло его жизнь. И без того пронизанная символизмом и отсутствием деталей брэнного быта живопись Рериха упрощается до предела — в ней остаются лишь человек и Природа. Либо только вторая — как символ вечности и чистоты. Ничего похожего на «Княжью...» в полотне «Охота» (1937) уже не разглядеть. Лучник, преследующий на коне горного барана, предстает маленькой, едва различимой в углу полотна фигуркой на фоне величественных гор. Из прежнего, активно действующего лица сюжета, несущего главную смысловую нагрузку, он превратился в крохотное пятно на картине, где весь объем отдан вечной природе.

В том же 1937 году Рерих оставил в своих записках, названных позже «Листами дневника», поразительную страничку, озаглавленную коротким словом — «Охота». Вопреки тогдашнему, уже устоявшемуся взгляду на нее как на философское и чуть ли не духовное явление написал совершенно приземленные слова-воспоминания о своей далекой охотничьей молодости в России.

«ПОМОРЯНЕ. УТРО», 1906

Рублено-тяпано, в лучшем виде стряпано

Максим Сырников

Традиционную русскую кухню многие специалисты поварского дела и гурманы ценят не только за оригинальные, приготовленные по старым проверенным рецептам блюда, но и за их замечательные комбинации. «Свой» уже публиковал способы приготовления тельного и ржаных пирогов. Сегодня расскажем о том, как они могут сочетаться между собой.

ТЕЛЬНОЕ (ударение на второй слог), напомним, это рыба или мясо, освобожденное от костей и прочих несъедобных частей. Оно может быть просто рубленным, как раньше говорили, «тяпаным», а также «катаным» — в форме биточков, или просто приготовленным в виде рулета. А еще в русской кухне есть особые, «тельные» пироги — непременно из ржаного теста. Оно играет роль плотной оболочки, которая придает тельному неповторимый хлебный аромат и не позволяет вытечь рыбному соку.

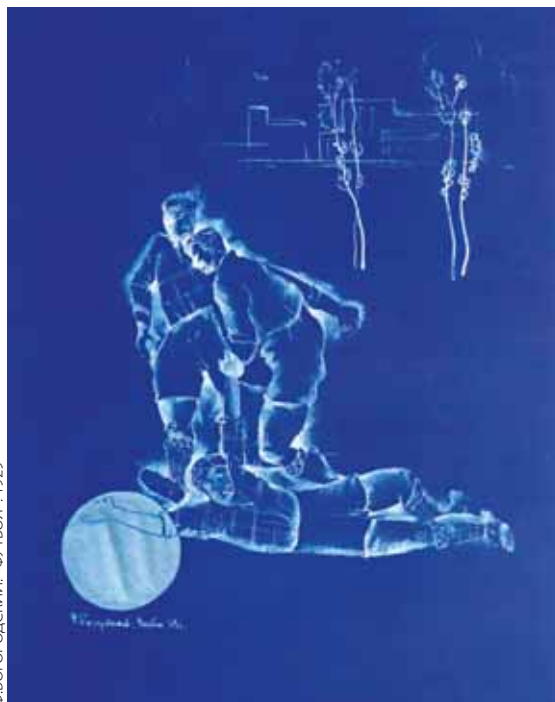
ФОТОГРАФИИ: PHOTOPRESS

*Филе свежей рыбы — 500 граммов
Мука ржаная — 1 стакан
Зеленый лук, рубленный —
1–2 чашки
Соленые огурцы — две штуки
Яйцо
Постное масло
Соль
Черный перец*

Филе мелко порубить и перемешать с яйцом, посолить и поперчить. Обжарить лук и нарезанные мелкими кубиками огурцы на постном масле. Тесто замесить из муки, воды, двух ложек постного масла и щепотки соли — если окажется недостаточно эластичным, добавить муки или воды. Раскатать пласт толщиной полсантиметра. Выложить на него сначала огурцы с луком, сверху — фарш. Завернуть края, защипнуть и сформировать пирог. Выпекать 30–40 минут при температуре 200°C.

Ф. БОГОРОДСКИЙ. «ФУТБОЛ». 1929

Своя

ИЮНЬ 2018

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Вереки